
ЕВГЕНИЯ СТАСИНА
НЕЗНАКОМЕЦ
ЛЮБОВЬ С ПРИВКУСОМ ТАЙНЫ

Евгения Стасина
Незнакомец

https://litres.ru/74713549

Аннотация

Пустить в свой дом незнакомца, красивого, как дьявол и не помнящего даже своего имени? Легко. Постелить ему в гостиной, позволить залечить раны и однажды задуматься о том, что дверь в спальню можно не запереть...

Это безумие, но моя жизнь далека от нормальной. Будем знакомы — Саша Брагина. Волонтёр, хозяйка четырёх кошек, владелица убыточного кафе и просто неудачница.

И мои мысли о незнакомце — лишние. Запретное наваждение, ведь однажды память к нему вернётся...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	34
ГЛАВА 6	41
ГЛАВА 7	48
ГЛАВА 8	54
ГЛАВА 9	64
ГЛАВА 10	80
Глава 11	86
ГЛАВА 12	93
ГЛАВА 13	107
Глава 14	118
ГЛАВА 15	131
ГЛАВА 16	150
ГЛАВА 17	161
ГЛАВА 18	175
Конец ознакомительного фрагмента.	178

ГЛАВА 1

Часть 1. Незнакомец в моей квартире
Глава 1

Нужно быть добрее, так всегда бабушка говорила. Всякий раз, когда Ванька забрасывал мою любимую куклу на шкаф, а я в отместку принималась колотить его кулачками по тощим плечам, она недовольно зыркала из-под толстых очков и заводила пластинку о семейных узах и необходимости прощать.

Ну не умела она злиться. Даже через двадцать лет, когда Ваня бросил растерянную невесту в зале регистрации брака, и то бранных слов в своём арсенале не нашла. Всё Таньку по голове гладила, путаясь сухими морщинистыми ладошками в съехавшей набок фате, да искала оправдания внуку:

- Бес его попутал. Не плачь, девочка, одумается.

Ванька, к слову, предпочёл и дальше «путаться с бесами», а вот его несостоявшаяся жена от бабушкиных тёплых слов истерику всё-таки прекратила. Отпрянула от Нины Степановны Брагиной и, подхватив пышную юбку дрожащими пальцами, умчалась из загса, насухо вытерев щёки... С тех

пор я её слёз ни разу не видела.

Жаль, что сейчас бабушки рядом нет... Уж она бы нашла для меня слова поддержки.

- Бедняга. Грустно-то как!

Я шумно высмаркиваюсь в бумажный платок, заботливо протянутый мне Пермяковой, и в сотый раз за последний час с тоской гляжу на пса, устремившего остекленевший взгляд в пустоту.

- Не то слово, - только и могу, что кивнуть, устраивая щёку на дружеском плече. - Куда его теперь? Снег же кругом...

- В ветстанцию нужно везти, кремировать. Вера на днях у дороги сбитого дворика нашла, говорит больше часа яму выкопать пыталась, а результата ноль. Так в снегу и закопала...

В снегу... От одной мысли, что Тошка всю зиму проваляется в каком-то сугробе, меня бросает в дрожь. Даже устроившиеся в ногах кошки не греют - мурашки всё равно бегут по спине.

Нельзя с ним так. Он ведь у меня первый! Едва родители вручили мне ключи от отремонтированной бабушкиной

двушки, так сразу его и пригрела. Немолодого, плешивого, идущего в комплекте с запущенным гельминтозом и ушным клещом... Месяц убила на поездки к ветеринарам, а когда собачья шерсть заблестела и он наконец начал походить на довольного жизнью питомца, выдохнула. И сразу мысль в голове родилась - а почему бы и другим не помочь? Один чёрт заботиться больше не о ком - я тогда только техникум окончила, решила удариться с головой в карьеру.

- Не надо в снег. Лучше с утра, перед работой... Тань, - смотрю на блондинку, отпрянув от её мягкого ангорового свитера, и испуганно вскрикиваю. - А ночью как же?

Сердце и так вот-вот от грусти разорвётся, а если ещё и дома его оставлю, точно прореву до рассвета, разглядывая любимую поседевшую морду.

- На балкон, - бросает и тут же закусывает губу. - Забыла, у тебя же его нет.

Тошно-то как. Ни балкона нет, ни пса... Даже четыре подопечные кошки, рассевшиеся кто куда, не в силах прогнать сгустившиеся в душе тучи. Одинокая я. Теперь точно - с ними я тоже рано или поздно попрощаюсь.

- О, в гараж ко мне отнесём! И ехать всего ничего, и хо-

лодно там, как в морозилке, - тем временем находится Пермякова и уже уверенно подскакивает на ноги, всем своим видом показывая, что готова выдвигаться прямо сейчас. Правда, через мгновение уже садится обратно.

- Чёрт, я же забыла! У меня Янка на восемь записана, и не перенести... Сань, сама справишься? Новый год на носу, мне любая копейка будет не лишней... Или, - заметив, что губы мои вновь начинают дрожать, девушка хватает меня за руку, - до одиннадцати подождёшь? У неё волосы короткие, за три часа точно управлюсь.

Три часа... Для меня каждая минута тянется целую вечность, а она предлагает такое...

- Нет. Ключи давай.

Я решительно встаю, обтираю взмокшие ладошки о плюшевые пижамные штаны и, силой воли заставив себя отвернуться от Тото, тянусь за свитером. Лучше прямо сейчас, пока окончательно не расклеилась. Я же наперёд знаю, как будет: Таня уйдет, кошки разбегутся по углам, я отыщу мобильный, наберу заветные цифры, но так и не осмелюсь нажать на кнопку вызова... И моё горе увеличится в разы, разобьёт тело на миллионы осколков и рассеет их по холодной пустой кровати. Как никогда пустой - спала я в обнимку с

Тотошкой.

- И какой хоть он, гараж твой?

- Красный, - подруга вручает мне холодную металлическую связку и сбивчиво объясняет, как добраться:

- Только, Саш, там не чищено. Я после отъезда отца раза два там бывала, и то летом.

- Разберусь, - накрываю бедолагу простынкой, несколько раз обмотав её вокруг остывающего тельца, и прижимаю к груди, отчаянно мечтая проснуться. Или его разбудить - чтоб перестал притворяться спящим и наконец громко залаял, недобро глянув карими глазами на натягивающую пуховик Пермякову. Ведь невзлюбил он её, ревновал меня, что ли?

-А я закончу и отзвонюсь. Хочешь, вино откупорим?

- Нет, - качаю головой, выпуская подругу в подъезд, и, щёлкнув дверным замком, вяло улыбаюсь:

- Лучше водку. С соком.

***

Зима в этом году выдалась на редкость морозная. К середине декабря деревья покрылись прочной коркой белоснежного инея, а каждый выдох непременно сопровождался густым облаком пара.

Я не мерзлявая, но сейчас в плюшевых домашних штанах отстукиваю зубами, коченея в холодном салоне непрогретой машины. Или от мысли, что в багажнике, укрытый старой посеревшей простыней, неподвижно лежит мой пёс, тело бьёт озноб?

С черепашьей скоростью плетусь по укатанной колее в самый конец тихого окутанного мраком гаражного кооператива и страстно желаю, чтобы на соседнем сиденье вздыхал Васнецов. Хмурился, причитая, что я совсем тронулась умом и этот зоопарк в моей квартире сидит у него в печёнках, но обязательно держал мою ладошку в своей. Поглаживал большим пальцем холодную кожу, а чуть позже, и сам устав от своего ворчания, тепло улыбнулся:

- Не кисни, малыш.

Может зря я такая упёртая? Полгода вместе, не пойми кто друг другу - друзья, любовники, пара... А я так и не завожу разговор, убеждённая, что он сам должен внести какую-то

ясность. Не звоню первой, не пишу смс с дурацкими смайликами и слащавыми пожеланиями спокойной ночи, а стоит ему очутиться на моём пороге изо всех сил разыгрываю безразличие, с трудом сдерживаясь, чтобы не повиснуть на его шеи. Лишь приветливая улыбка и слабый наклон головы, чтоб входил. Одним словом дура!

Я торможу у красного гаража, по всем параметрам подходящим под Танины описания, и, поддавшись порыву, снимаю блокировку с мобильного. Один раз можно побыть слабой и беззащитной женщиной - попросить его приехать, наплевав на еженедельный пятничный боулинг с друзьями, и хотя бы в порядке исключения стать для меня кем-то постоянным. Не тем неконтролируемым вихрем, что внезапно врывается в мою жизнь, воруя страстные поцелуи, а мужчиной, рядом с которым я смогу строить планы на будущее. Со свадьбой, детьми и субботними ужинами у моих стариков... Разве не заслужила почувствовать его своим хотя бы на одну ночь?

Видимо, нет. Гудок, два, четыре... И я как и прежде один на один со своими проблемами.

- К чёрту, - бросаю телефон, даже не морщась от глухого удара дорогого смартфона о резиновый коврик, и, устало потерев заплаканные глаза, выбираюсь наружу.

Жутко здесь. Теперь даже жалею, что Пермякову не послушала. Или не выдернула из дома брата. Он бы, конечно, посмеялся над моей истерикой, но точно не позволил слоняться одной среди пустых гаражей.

- Ладно, ничего страшного. Не впервой же, Саш, - бодро уверяю себя, что ничего ужасного со мной не случится, но всё же вздрагиваю, когда где-то вдалеке завывает пёс. - Две минуты, только тропинку расчищу и смогу вернуться домой.

К кошкам. Маркиза, Эльвира, Зефирка и один парень на деревне - Мартин. Так что глупо боятся, учитывая, что каждого из них я находила в местах куда пострашнее этого гаражного кооператива. Разве что лопатой работать не приходилась, а Таня оказалась права, завалило ворота знатно.

Стараясь не разреветься, аккуратно достаю из багажника инструментарий и, нервно хлопнув крышкой, разворачиваюсь на пятках. Хорошо хоть фары светят, а то раскидывай снег в потёмках! Подхожу ближе, уже зачерпывая совком увесистую порцию ватной каши, да так и столбенею...

- Что за... - и слова застывают в горле.

Следы. Глубокие, словно кто-то более ленивый чем я, решил добраться до ворот напролом, утопая в сугробах по ко-

лено. Ещё и заляпал кристально чистое зимнее покрывало бурыми пятнами...

Не дышу, так и застыв с прижатым к груди черенком и только сейчас, подобравшись ближе к разрекламированному Пермяковой гаражу, замечаю, что замка на воротах нет...

Приплыли. В эту минуту, когда по ногам, скрытым лишь тонкой тканью плюшевых брюк, ползут колючие мурашки страха, я впервые жалею, что бабушкина квартира обделена лоджией. Сорок два квадрата - две малюсенькие комнатки, совмещённый санузел и крохотная кладовая в прихожей. До этого дня считала себя обладательницей хором, а теперь с ужасом кошусь на багажник, в котором так и лежит бездыханный собачий труп.

Что делать? Бежать, вызывать полицию, заорать во всю глотку, чтобы из домов в отдалении повысовывали носы любопытные обыватели? Или вызвонить Ваньку, в конце концов? Он у меня крепкий, с детства не мыслит жизни без спорта, и в случае чего защитит.

Мнусь на месте, то порываясь броситься к машине, то вновь кидая испуганный взгляд на плотно закрытую дверь, и мучительно долго не могу придумать, что делать.

Только одно знаю, уж точно не заглядывать внутрь... Не красться, ныряя сапогами в чужие отметины, крепче смыкая пальцы на единственном оружии, и точно не жмуриться,

застыв истуканом в шаге от двери чужого гаража, осознав, наконец, что я только что отважилась на самую большую в жизни глупость... Ведь никакая лопата меня не спасёт!

Сердце отчаянно бьётся где-то в моих сапогах, а уши закладывает от гула крови, безумным потоком разносящей страх по моим венам. Боже! Я резко распахиваю глаза, едва ли не в голос задавая себе вопрос : «Что ты творишь, Брагина?», и каким-то чудом возвращаю себе контроль над обезумевшим мозгом.

Я лишь хотела оставить Тотошку до утра, чтобы перед работой, обливаясь слезами, навсегда попрощаться! А вместо этого едва не подписала смертный приговор себе!

- Дура, Сашка, дура, - шепчу бескровными губами, заслышав шорох в Танькиных владениях, и, стараясь не шуметь, пячусь назад, совсем позабыв, что за спиной у меня сугробы.

Ноги подкашиваются, отказываясь спасать мою глупую задницу и в тот самый момент, когда я заваливаюсь на спину, приложив себя по лбу злополучной лопатой, сердце пропускает удар:

- Ты кто? - слышу, во все глаза уставившись на незнакомца, распахнувшего дверь Пермяковского гаража и, кажется, собираюсь упасть в спасительный обморок.

ГЛАВА 2

Мы не с того начали наше знакомство, верно? Не знаю, как это принято... Дать вам свои паспортные данные, а после пуститься в краткий пересказ своей непримечательной жизни? Я бы с удовольствием, но сейчас явно не до этого.

- Ты кто?

- Саша, - ошарашенно глазею на вора, привалившегося к стене, и зачем-то вытягиваю вперёд руку с лопатой.

Наверное, это такая жалкая попытка предупредить, что в случае чего я так просто ему не дамся. Не на ту напал.

Я волонтёр и в прошлом месяце в одиночку отбила Зефирку у обезумевшей молодёжи. Они перебрасывали её, как резиновый мячик, и, потехи ради, ловили через раз...

- Не подходи, - а если я перед ними не спасовала, то и сейчас рыдать не начну.

Поздно, адреналин растекается под кожей и уже подбрасывает меня вверх, игнорируя надоедливый снег, завалившийся за голенище моей обувки. Мгновение и я сама с удивлением осознаю, что уже стою у своей старенькой синей Лады, нащупывая дверную ручку.

- Стой там! Даже не думай приближаться! - мой голос звенит, а тело трясёт от лихорадки, пока в голове зреет план.

Мне просто нужно добраться до мобильного. Изловчиться и поднять его с чёртового коврика, не выпуская незнакомца из поля зрения. Странного незнакомца, надо сказать, отчего-то схватившегося прямо сейчас за голову. Его штормит, пока он пытается перебраться через рассыпанный под ногами снег, а у меня внутри нарастает паника.

- Сказала же, не подходи! Иначе стукну!

Да он похоже пьяный в хлам! Спортивная шапка низко натянута, почти скрывая глаза, одежда помята и местами из пуховика торчат куски синтепона... Напился и, не придумав ничего лучше, вскрыл Танькин гараж, то ли желая разжиться барахлом, то ли планируя остаться там на ночлег.

- Стой, кому говорю! Полиция уже едет! - визжу, оббегая свой автомобиль, и всерьёз подумываю слинять. Он не догонит, вон как облокотился на капот моей ласточки, поднимая правую руку в жесте капитуляции.

- Я не подхожу, видишь? - хрипит, низко повесив голову, и тут же устраивает вторую ладошку на моем автомобиле. - Я... Я не опасен, ладно? Я ничего тебе не сделаю...

- Конечно, - нервно хихикаю и благоразумно отступаю подальше от машины.

Сейчас заговорит мне зубы, а потом отправит в багажник к бездыханному Тото. - Так я тебе и поверила! Вору и алкашу!

Господи, и чего сразу не уехала? Чёртово бабское любопытство и полное отсутствие чувства самосохранения. Вечно мчу впереди паровоза, а потом не знаю, как разгребать последствия...

Ладно, нужно просто глубоко дышать. Чтобы коленки перестали подкашиваться...

- Девушка... - да и застигнутому на месте преступления бандиту явно не по себе. Едва ли не ложится на капот моей двенашки и, не в силах поднять голову, протяжно стонет. - У меня башка разбита...

Приплыли... В недоумении слежу за тем, как он медленно скатывается вниз, как желе стекая к колесу, но всё также продолжаю стоять, не решаясь подойти ближе. Чёрт, а ведь сейчас самое время открыть пассажирскую дверь и схватить андроид... И я действительно делаю это, разве что телефон поднять не успеваю, когда уха касается фраза, которая всегда на меня странно действует. «Нужно быть добрее», - звучит бабушкин голос в моей голове в унисон с еле различимым

шёпотом:

- Девушка, помоги мне.

***

Незнакомец

Меня сейчас вывернет. В глазах всё плывёт, руки, увязнувшие в снегу больше не чувствуют холода, сердце, кажется, вот-вот остановится. Корчусь на земле, уткнувшись лбом в лысую зимнюю резину и из последних сил молю незнакомку о помощи.

Я сдохну здесь. И если минут десять назад, когда я с трудом разлепил глаза, во мне теплилась надежда, что всё не так страшно, сейчас затылок разрывается от невыносимой боли. Даже жаль, что натянул шапку - засунуть её в сугроб теперь кажется единственным способом потушить облизывающие черепушку языки пламени. Только сил нет даже на это.

- Эй, - ещё и агрессивная дамочка пихает меня в спину носком ботинка. - Живой?

- Пока да, - и если она сейчас не огреет меня лопатой, малюсенький шанс продержаться ещё пару минут есть. - Ног

не чувствую, замёрз.

Пытаюсь встать, но как доказательство, что я перед ней честен, вновь заваливаюсь набок, вдобавок проезжаясь щекой по ледяным крошкам.

- Отлично! Съездила, твою мать!

Лопату она всё же отбрасывает в сторону. Кряхтит, хватая меня за грудки, и отчаянно пытаясь придать мне сидячее положение, смешно буксует дутыми ботинками, разрывающими рыхлую колею.

- Не отключайся, ладно? - она опускается рядом и, обхватив мои щёки ладошками, заставляет взглянуть на неё из-под опухших век. Но как я не силюсь рассмотреть спасительницу, вижу лишь серое размытое пятно.

- Господи, кто ж тебя так?

- Я не знаю...

Не помню ни хрена... Очнулся в кромешной темноте, от шума скрипнувших шин и первое, что увидел, на ощупь выбравшись на улицу - она, развалившаяся в сугробе.

- Но я не вор, - уверен, на все сто... - Можешь карманы

обшарить.

Я уже дважды так делал. Ни ключей, ни телефона, ни паспорта... Из богатств - одна кожаная перчатка и...

- Нужно полицию вызвать, скорую...

- Нет, - хватаю её за руку, явно напугав такой прытью, и вновь хмурюсь от боли.

Нельзя мне в полицию...

- Почему? - словно прочитав мои мысли, девушка освобождает свои пальцы из моего цепкого захвата и, не вставая, отползает подальше, с подозрением косясь на мои ладони. Окровавленные ладони...

Что ей сказать? Что помимо перчатки я нащупал холодное лезвие ножа? Что даже сейчас он лежит в подкладке моего порванного пуховика? Чёрт, это даже меня пугает!

- Они затаскают меня по участкам, - тоже правда.

- Но... - только девушка такому объяснению явно не верит. Встаёт, отдалившись от меня на приличное расстояние и наверняка усиленно о чём-то думает.

- Твоя рана... Тебе помощь нужна.

Будто я сам не знаю! Злой на собственное бессилие и чертов вакуум в голове, заставляю себя лихорадочно искать выход, морщась от болезненной пульсации в висках, и обречённо мычу в голос от горького открытия - нет его, выхода.

- Давай хоть до дому тебя подвезу? - или всё-таки есть?

Девушка вновь останавливается рядом, вновь присаживается на корточки, и вновь, приподняв моё лицо за подбородок, внимательно изучает:

- У тебя же есть дом? Семья?

- Да, - киваю, тут же слыша её вздох облегчения, но через мгновение задумчиво свожу брови на переносице:

- Наверное.

ГЛАВА 3

Саша

Я росла спокойным послушным ребёнком. Наверное, жалела родню, ведь мой старший братец с лихвой компенсировал отсутствие проблем с моей стороны. Драки, разгульная юность, бурный роман спустя полтора года закончившийся настоящей драмой, и последовавший за этим долгий запой. В общем, кто-то должен был сохранять спокойствие, и эта важная миссия выпала на мою долю. Училась я хорошо, с легкомысленными красавчиками по углам не зажималась, и пока мои одноклассницы обсуждали мальчишек, стыдливо краснела, уткнувшись глазами в учебники. Сейчас и не верится, что когда-то я была способна мыслить здраво. И куда всё это делось? Ясно куда.

С Миши всё началось. Мне только исполнилось восемнадцать, когда Ванька впервые привёл домой своего одногруппника. Привлекательный, статный блондин с бездонными синими глазами. Увидела и поплыла, забыв, что ему двадцать четыре, а я ещё ни разу не целовалась.

Впрочем, целоваться и не пришлось, а если и удавалось сорвать несколько страстных ласк, то только в моих мечтах, где я была опытна и напрочь лишена смущения. А смущаться стоило, поверьте, ведь Михаил Васнецов был запретным плодом не только для меня, но и для всех клюнувших на него

женщин. Миша был глубоко женат на безумно красивой и уверенной в себе девице. А я глубоко увязла в своих фантазия об этом мужчине. Чужом мужчине.

Сейчас понимаю, что во многом лишь благодаря его супруге стала той, кем являюсь. Когда моя ревность достигла своего пика (ведь он всё чаще мелькал с ней на наших праздниках), я вдруг отчаянно захотела поменяться. Хотя бы на пару шагов приблизиться к его идеалу. К двадцати заметно схуднула, в двадцать два открыла собственное дело, а в двадцать четыре, спустя шесть лет долгого томительного ожидания, впервые словила на себе его заинтересованный взгляд. К слову, к тому моменту кольца на его безымянном пальце уже не было, а я и впрямь не краснела, со знанием дела отвечая на его поцелуй.

Так что да, творить безумства я начала из-за него. Начала и теперь не могу остановиться. Вот уже шесть месяцев я отхожу от образа послушной правильной девочки и просто отдаюсь мужчине, с моей помощью пытающемуся пережить болезненный развод. Он просто приходит, когда захочет, а я просто пускаю, с жадностью забирая то, что он задолжал мне за столько лет моей неразделённой одержимости. И да, опережая ваши вопросы, внутри я лелею надежду, что когда-то он останется насовсем.

Разве хорошие девушки на такое способны? Навряд ли.

- Ну ты и дура, Сашка, - да и диагноз мне только что поставила Таня. Так что какие претензии? - Ты его знать не

знаешь!

- И что? Он... - кошусь на спящего на диване мужчину, всё такого же грязного, зато заботливо обработанного перекисью, и упрямо вздёргиваю нос. - Он человек, ясно? Остальное неважно.

Ну куда я его? Замершего, избитого, потерявшегося в собственных мыслях? Не бросать же в том гараже, раз он упёрся рогом и напрочь отказался обращаться в органы!

- Неважно?! - прыскает злая как чёрт подруга, уже доставая мобильник, и решительно набирая трёхзначный номер. - Он тут умрёт, а тебя посадят!

Ну вот, знала же, что не стоит её впускать. Только как откажешь, если Пермякова как таран, оттеснила меня плечом, ввалилась в прихожую и уже начала стягивать угги, покачиваясь от усталости? Пашет, как лошадь, с утра до позднего вечера наводя красоту на забитых разными мыслями головах, а потом вон - замученная бежит выводить подругу из депрессии... Как тут не пустишь?

- Не умрёт, - выхватываю у неё трубку, ловко сбрасывая звонок, и выпроваживаю девушку обратно в коридор, чтоб не дай бог не разбудила бедолагу своими криками.

- Не умрёт, так тебя убьёт! Притащила какого-то бомжа... Дура, в общем! Немедленно звони!

- Куда?

- Да хоть Мише своему! Пусть хоть раз пошевелится, прежде чем затащить тебя в койку! Что-то придумает, в кон-

це концов! Или жену бывшую вызовет, чтоб твоего найдёныша осмотрела! Она же хирург!

Вот видите, я не врала - бывшая у Васнецова идеальная. Ноги от ушей, глаза зелёные, губы пухлые, грудь даже после родов всё такая же пышная. Ещё и врач! Не женщина, а мечта. Неудивительно, что он не торопится съезжать со мной, ведь планку Карина задрала высокую. Непреодолимую, чёрт побери!

И ничего странного в том, что в ответ на Танины слова я возмущённо хватаю губами воздух, нет. Кто в здравом уме захочет встречаться лицом к лицу с ночным наваждением любимого мужчины?

- Звони-звони! У тебя что много знакомых врачей? Иначе это сделаю я и точно приглашу участкового. Заодно и гараж проверим.

Но выбора у меня, похоже, нет.

- Ладно. Только я лучше Ваньке позвоню, он с ней неплохо ладит, - гляжу на девушку виновато, стыдясь признаться, что Миша мне вряд ли ответит, и лишь дождавшись её хмурого одобрения, набираю брата. А уже через тридцать минут воочию любуюсь его реакцией на мой странный звонок.

- Ты совсем уже? - этот хоть спрашивает, хотя по лицу видно, что отвечать необязательно. Зато не кричит, как Таня, и благоразумно прикрывает дверь, скользнув взором по бывшей жене своего студенческого товарища.

- Собак тебе уже мало, да? Людей домой таскать начала?

Дальше что? Устроишь из своей квартиры ночлежку?

Я молчу. А он играет желваками:

- Ну что с тобой не так, Сань? Что ж тебя так тянет всех спасать?!

Да если б я знала... Смущённо опускаю глаза в пол, виновато втянув голову в плечи, и наивно полагаю, что моё молчание хотя бы немного остудит пыл разбушевавшегося родственника. Только куда там? Я молчу, так он на Таньку переключается!

- А ты куда смотрела? Не могла ей мозги на место вправить? - зло пронзает мою подругу ненавидящим взглядом, болезненно морщась от бьющего в нос аромата её сладких духов, и закатывает глаза, когда она демонстративно отворачивается и отходит подальше.

- Идиотки две! Совсем двинулись на своём волонтёрстве!

Ну вот! Бабушка зря запрещала мне его колотить. Теперь он огромный, как шкаф, под два метра ростом, и при всём желании не отвесишь ему оплеуху, а так хотя бы было б что вспомнить. Утешиться, так сказать, пока он безостановочно сыплет ругательствами. Долго сыплет! Все десять минут, что привезённая им Карина Васнецова осматривает моего квартиранта. А я осматриваю её, пропуская мимо ушей Ванькину брань. Смотрю и гадаю, поддерживают ли они с Мишей приятельское общение или ограничиваются короткими разговорами о дочке?

- В больницу ему нужно, - но в лоб ведь не спросишь, тем

более что, озвучив всем очевидные вещи, она торопливо кутается в норковый полушубок. - Снимки делать, капельницу ставить, и...

Женщина замолкает, обводя карими глазами собравшихся, чуть дольше задерживаясь взглядом на мне, и, переходя на шёпот, резюмирует:

- Похоже, не помнит он ничего.

- Отлично! - Ваня злорадно улыбается, а я устало опускаюсь на стул.

ГЛАВА 4

Незнакомец

Просыпаюсь я далеко за полночь. В тепле. С трудом открываю глаза, не сразу понимая, где нахожусь, но стоит уткнуться взором в хрупкую девушку, устроившуюся в кресле, мгновенно вспоминаю события минувшего вечера. Гараж, лопата, она... Как её там?

- Саша? - голос скрипит, и от звуков её имени у меня дерёт горло.

Словно это не набор букв вырывается из груди, а целая пригоршня проглоченных накануне мелких осколков рвётся наружу, до крови царапая гортань. Попить бы...

- Я здесь! Воды?

Не успеваю кивнуть, как к разбитым губам уже подносят стакан, позволяя сделать парочку небольших глотков. Чёрт, такое чувство, что у меня жуткое похмелье, и если бы девушка не отняла кружку от моего рта, я бы непременно осушил её до дна. И попросил вторую.

- Спасибо, - только наглеть неудобно.

Я же у неё дома? Или меня всё же сдали в приёмный покой, определили в палату, а эту хрупкую миловидную брюнетку оставили в надзирателях? Усадили у двери, опасаясь моего побега, и теперь вызванивают участкового, разгляды-

вая заляпанный кровью нож. Ведь как бы ни трещала моя голова, сложить два плюс два я ещё в состоянии - мне явно капают капельницу...

Не на шутку напуганный таким сценарием, встревоженно оглядываюсь по сторонам, а девушка уже пристраивается рядом, с сочувствием взирая на меня из-под длинных пушистых ресниц. В пижаме она, а значит версию с палатой отметаем. Да и не обставляют их так: диван, на котором я и устроился, длинная тумба с телевизором, подвесные ящики, украшенные какой-то посудой, журнальный столик, заваленный разнообразными лекарствами, и пустой таз на полу, видимо на случай, если меня начнёт тошнить. Похоже, за лечение моё взялись основательно.

- Я врача пригласила, помнишь? - голос у неё приятный. - Дела твои плохи, парень. Без снимков не обойтись.

А какой смысл? В голове пусто, словно вскрой черепную коробку и ни одной извилины не найдёшь. А может, их там отродясь и не было? Иначе, чем объяснить мою помятую морду? Умные опасностей избегают...

-Ты хоть что-нибудь вспомнил? Имя, адрес или как попал в Танин гараж? Неужели совсем ничего? - когда я мотаю разбитой головой, она расстроенно закусывает губу. - Не страшно. Тебе просто нужно отдохнуть.

Хотелось бы верить, потому что ни хрена хорошего в этом нет - лежать в чужой гостиной с пробитым затылком, не имея ни малейшего представления о том, в какую передрягу ввя-

зался. И ведь неизвестно, сколько позволят лежать... Я чёртов незнакомец, подобранный какой-то блаженной в гаражном кооперативе! Может она прямо сейчас меня погонит на улицу?

-Ладно, об этом поговорим утром. Сейчас капельница докапает и можешь поспать,- слышу, напуганный до чёртиков собственной беспомощностью, и хотя бы об этом перестаю волноваться. Одной проблемой меньше. Хотя...

- Смотрите, да он оклемался! - тут, похоже, муж нарисовался!

Оттеснил в сторону мою спасительницу, даже не напрягаясь, придвинул к дивану кресло и вальяжно развалившись напротив, глазеет на меня, как на пригретую блохастую собаку - с отвращением.

- Ну, что делать с тобой будем? Говорить можешь?

- Могу.

- Отлично, - он включает ночник, и пока я отчаянно жмурюсь от бьющего в глаза света, из каких-то садистских побуждений нарочито громко откашливается в кулак. А мне его кашель сотней ударов кувалдой по вискам!

- Как звать?

Хороший вопрос. Врачиха меня минут пять пытала, только от боли извилины мои превратились в кисель.

- Понятия не имею, - ухмыляюсь, израненной рукой отклоняя надоедливый плафон в сторону и, проигнорировав недовольный взгляд собеседника, пытаюсь присесть на дива-

не. Недолго пытаюсь. Секунда и он силой пригвождает меня к месту, железной хваткой вцепившись в моё плечо:

- Лежи уже. Грязный как чёрт, всю мебель загадишь. Алкаш?

- Не знаю, - хотя минуту назад был уверен, что накануне хорошенько надрался.

- Наркоман?

- Без понятия.

- А гаражи часто взламываешь? - не унимается мужик, отбрасывая руку попытавшейся усмирить его девушки. - Что ты, вообще, знаешь?

Что Саша явно не избирательна в своих связях - с таким характером супруг её долго не протянет... И если бы не моё разбитое тело, я бы преподал ему пару уроков. А пока вместо этого в очередной раз роюсь в закромах своей памяти, но там всё так же стерильно чисто. Словно прошёл ураган и, посчитав содержимое моей черепушки хламом, унёс его в неизвестном направлении.

-Ну и? Будешь и дальше прикидываться дурачком?

- Ваня! - не выдерживает хозяйка квартиры и, решительно подбоченившись, встаёт перед этим доморощенным следователем.

А я сжимаю пальцы в кулаки. Чёрт, аж зудят, мечтая познакомиться с его челюсть. Похоже, у меня большие проблемы с самоконтролем, и стоит это осознать, на позвоночнике выступает холодная испарина. Это мой нож! Теперь я уве-

рен.

- Вань, отстань от него. И, вообще, нечего меня сторожить. Я дальше как-нибудь сама справлюсь.

- Как? Расскажи, даже интересно послушать, - этот Ваня закидывает ногу на ногу, теперь покачивая в воздухе правой ступнёй, и явно потешается над тут же присмиревшей девчонкой. Кто он, твою мать?

- Ну, давай, Сань, просвети. Постель ему застелешь, может куриный супчик сваришь? Или нет! - бьёт себя по лбу, озарённый какой-то догадкой и тут же стирает с лица улыбку. - Ну точно, пойдёшь обратно к гаражам, вдруг ещё кого подберёшь? Не бомжа, так собаку. У тебя же квартира резиновая!

- Вань...

- Или всё-таки клич в группе бросишь? Как там у вас принято «Молодой, слегка потрёпанный уличной жизнью кобель ищет заботливые ручки?». Ну, я прав? - здоровяк выпрямляется на ногах, теперь возвышаясь над моей спасительницей, но она и не думает пугаться. Словно он не гора мускул, а глупый мальчишка, вызванный на ковёр к строгой учительнице:

- Не говори ерунды! Он же не кот!

- Вот именно, сестрёнка! И я битый час жду, когда же до тебя это дойдёт!

Всё ясно, ни какой он не муж. Старший брат. Примчался выручать из беды младшую сестру и теперь кипит от праведного

ного гнева, встречая резкий отпор с её стороны. Чёрт, может вступиться?

- Да лежи говорю! И только попробуй к ней прикоснуться! Убью не задумываясь, - только он опять оказывается шустрее. И толкает меня так резко, что я прикладываюсь больным затылком к твёрдому подлокотнику, от неожиданности дёргая рукой и вырывая из вены капельницу. Ну отлично, я прямо груша для битья!

- Что если он маньяк? Вор? Убийца? Что если завтра я найду тебя в спальне с перерезанным горлом?

-Ваня!

- Не Ванькай, а включай наконец мозги! Это не шутки, Сашка! Так что прежде, чем оставить его у себя сто раз подумай! Такими должна полиция заниматься, а не молоденькие дурочки. Подумай, подумай! А я помогу. Меня не послушаешь, я родителей подключу. Ключи отберут и плакало твоё волонтёрство. Никаких больше плешивых Топтыжек и блохастых кошек.

-Тотошка, - произносит с нажимом Саша, удивляя меня сталью в голосе, и воинственно сжав кулаки, кивает Ване на дверь. - Моего пса звали Тотошка. За три года можно было и выучить. А что до ключей - не тебе решать. И учить меня тоже не тебе, ты делал вещи и похуже.

Что, чёрт возьми, здесь происходит? Парень бледнеет, теперь сверля глазами дыру на лбу своей упёртой сестры, а она терпеливо ждёт, когда же он последует по направлению

к двери.

-Поздно уже, Вань. Тебе спать не пора? - ещё и подгоняет, когда его молчание затягивается на добрых пару минут. - Со мной ничего не случится.

Я бы не был так уверен... Ведь исключать вероятность, что злой, как черт здоровяк попал в яблочко не могу даже я. Правда, говорить об этом не спешу... Ну куда я пойду?

- Очень на это надеюсь. Дверь запри, - бросает еле слышно внезапно притихший мужик и больше ни разу на меня не взглянув, ретируется в прихожую. А она следом.

Отлично, кажется, я их рассорил. Прекрасная плата за Сашину доброту!

ГЛАВА 5

Саша

- Господи, что я творю? - распахиваю глаза, испуганно озирая залитую солнцем комнату, и, натянув одеяло до самого носа, прислушиваюсь. Пугающе тихо: ни хрипов, ни тяжёлых шагов, ни лязганья ручек на комоде в гостиной. Самое-то, чтобы на свежую голову осмыслить случившееся.

Итак, подведём итоги? Первое - я потеряла друга. Мой бедный Тото лежит в незакрытом Танином гараже совершенно один, всё так же пялясь стеклянными глазами в одну точку. С ним я должна попрощаться через пару часов. Второе - я стала свидетельницей преступления, ведь, как ни крути, но этот мужчина всё-таки влез в чужие владения. И, о боги, третье - вместо того, чтобы сдать его куда нужно, я постелила ему в гостиной... Может, Ваня прав, и я чокнулась? Тронулась умом из-за смерти любимого пса?

Да кого я обманываю? Моя потеря здесь ни при чём! Ведь даже будь Тошка жив, мой мозг не придумал бы ничего лучше, кроме как помочь этому бедолаге. Что поделать, но части принятия спонтанных дурацких решений я мастер! Знать бы ещё что делать дальше... Так и сидеть в спальне, дверь которой я подпёрла шваброй, или всё же набраться смелости и выглянуть в коридор?

Закусываю щеку от нарастающего волнения и всё же при-

хожу к выводу, что выйти рано или поздно придётся. Пусть и страшно...

И куда только подевалась моя отвага? Плотнее запахнув халат, крадусь по собственному жилищу, как какая-то рецидивистка, и едва держусь на ногах от ужаса, никак не решаясь приоткрыть дверь в гостиную. Не знаю, чего я боюсь больше - обнаружить, что он отдал богу душу или пришёл в себя и теперь по-хозяйски беззвучно шныряет по шкафам. Ведь в обоих случаях я точно грохнусь без чувств. Блин, это всё Ванька со своими бредовыми мыслями! Нагнал жути, а мне теперь переживай!

Глупости, так и на работу опоздать недолго! Это мой дом! А в случае чего заору, стены же тонкие, кто-то да обязательно услышит...

Делаю глубокий вдох и уверенно отпускаю ручку вниз, мгновенно находя глазами виновника моих переживаний.

Не спит. Дёргается, когда дверные петли поскрипывают от моего давления и резко садится, устремляя на меня распухшие глаза. Вот же красавец! Словно каток по нему проехал!

- Проснулся? - вхожу, ногой отпихивая в сторону надоедливого кота, решившего поохотиться за моим мягкими пушистыми тапками, и украдкой осматриваю помещение - вдруг что-то уже умыкнул? А он словно мысли мои читает - хрипло посмеивается, нерешительно вставая на ноги, и спрятав руки в карманы грязных джинсов, спешит успокоить:

- Ваш фарфор я не трогал.

Бабушкин. Фарфор этот, будь он неладен, ещё со времён её молодости стоит на самом видном месте. Сначала думала запрятать подальше, но потом устыдилась - Нина Степановна не простит. Во снах являться начнёт.

- Как голова?

- Болит, но после таблеток уже намного лучше... Спасибо вам, Саша... И за доктора, - по-моему, смущённо кивает на предусмотрительно застеленный стареньким пледом диван, - и за это. Я у вас теперь в долгу.

Ещё бы! Ванька ведь прав, грязный он как чёрт. Колени перепачканы грязью (и где только умудрился отыскать песок в эту снежную зиму?), свитер заляпан кровью, а куртка, небрежно брошенная у батареи, вообще для носки больше не годится... Постирать бы их...

- Ну, я пойду? - хотя гостя, похоже, ничего в собственном облике не смущает!

Так может и к лучшему? Ведь глупо, правы все! И Танька, и Ванька, и Мишина жена, странно глянувшая на меня из-под изогнутых бровей после тщательного осмотра моего постояльца! Это ж додуматься нужно - подобрать с улицы неизвестно кого!

- Иди! Господи, иди! - кричит каждая клеточка моего мозга, а сердце с облегчением выравнивает свой ритм... Только помимо фарфора, полку украшает бабушкин снимок!

- Зачем же? - а прогнать бедолагу прямо у неё на глазах мне совесть не позволяет. Она бы не прогнала... И плевать,

что родня скажет! - Отлежитесь немного, придёте в себя, а потом свободны. Да и... - обрываюсь на полуслове, не зная, как бы сказать это помягче, но, не придумав ничего лучше, произношу как есть, - вам бы не мешало помыться.

Незнакомец

Отлично, я хренов Квазимодо: нижняя губа рассечена, правый глаз почти не открывается, левый выглядит сносно, но ярко-красный белок и бордовый фонарь на веке делают мой взгляд немного пугающим. Не знаю, виноваты ли мои увечья, но я этого парня вижу впервые... И это пугает до чёртиков, поверьте.

- Может, не стоит вам волосы мыть? - хозяйка этой тесной, но довольно уютной квартиры заботливо разматывает повязку на моей голове и, смяв пожелтевшие бинты, болезненно морщится, взирая на мою рану. Чёрт, другая бы в обморок свалилась, а эта стоит!

Гляжу в зеркало, тут же проходясь рукой по слипшимся на затылке волосам, и решительно принимаю из её рук полотенце:

- Разберусь.

- Как знаете, - она пожимает плечами, брезгливо мазнув взглядом по моей драной одежде, и прежде чем выйти из ванны, достаёт из кармана пакет, с логотипом какой-то продуктовой сети. - Одежду сюда сложите.

Вот угораздило. Закрыв дверь за гостеприимной девушкой, с трудом избавляюсь от свитера, и замираю, вновь уста-

вившись на себя в запотевающее зеркало. Татуировка. Поднимается от запястья до самого плеча, уверенно переползая на грудь. Чёртов рукав каких-то непонятных, но профессионально выполненных узоров. Может, я вправду беглец? Опытный сиделец, от нечего делать вместе с сокамерниками набивающий какую-то галиматью на собственном теле? Крепком, надо сказать - пивное брюхо отсутствует, но даже этот факт не радует.

- Куда ж ты ввязался? - интересуюсь у помятого отражения, словно оно в состоянии мне ответить, и усмехнувшись собственной глупости всё-таки неуклюже забираюсь в чужую душевую.

Сомнительное удовольствие, как ни крути - раны на голове прилично пощипывает, но я упорно стою, позволяя воде смывать с меня кровавые подтёки. Стою, а мыслями уношусь далеко за пределы чужого жилища. Давайте, чертовы извилины, работайте!

Крепко жмурюсь, сжимая в кулаки оцарапанные кисти и, отчаянно пытаюсь вспомнить хоть что-то - голоса, образы, знакомые места... А сознание выдаёт лишь гигантскую дырку от бублика.

Кто я? Хотя бы собственное имя должно было отпечататься на подкорке! Не ходил же я столько лет безымянный? И сколько мне, кстати?

Спустя десять минут я натягиваю на себя мужской халат. Немного тесный в плечах, явно коротковатый, но определён-

но мужской... У моей спасительницы всё же есть муж? Если так, то задерживаться здесь надолго явно не стоит - и так с братом рассорил.

- Каша, - она внимательно смотрит на меня, теперь ещё более нелепого в одежде с чужого плеча, и как ни в чём не бывало указывает рукой на пустой стул. Единственный пустой, заметьте. Остальные три заняты кошками.

И куда ей столько кошек?

- Я заварила ромашковый чай, позавтракайте и немного отдохните.

- А вы? - с жадностью отправляю в рот горячую аппетитную овсянку и только сейчас понимаю, что всё это время был дико голодным.

- На работу поеду, - пройдясь ладошкой по шерсти рыжей животины, она лезет в холодильник и поочерёдно наполняет пустые тарелки. Правда, одну обходит стороной, болезненно закусив губу. Словно вспомнив о чём-то важном, кидает тронутый грустью взгляд на часы и, с тяжким вздохом подняв с пола глиняную плошку, убирает её на подоконник.

- Я заеду за вами в обед. Нужно показать вас врачу. И в полицию всё же обратиться придётся. Возможно, вас кто-то ищет.

Аппетит у меня пропадает. Не знаю я, есть ли у меня семья, но это последнее о чём я сейчас готов думать. Чёртов нож, перепачканный кровью, не идёт у меня из головы...

- Ладно, - соглашаюсь, не желая пугать девушку собствен-

ными мыслями и уже без всякого энтузиазма доедаю приготовленный для меня завтрак.

Ни к чему ей знать, что ни в какую полицию я не поеду. Пока не вспомню, что делает в моём кармане этот грязный клинок. Ведь если им кого-то убили - хочу быть уверен на сто процентов, что заслуживаю наказания.

ГЛАВА 6

Саша

Миша так и не перезвонил. Наверное, этого стоило ожидать и расстраиваться я не имею права, но щемящая тоска, заполонившая душу, едва я покинула пошарпанные стены городской ветстанции, ближе к полудню сменилась невыносимой болью.

Свободные отношения. Ещё вчера мне казалось большой удачей ухватить хотя бы эти жалкие крохи его внимания, а сегодня два простых слова звучат как приговор. И все сроки на подачу апелляции уже вышли – сама согласилась, сама улыбалась, уверяя, что ничего предосудительного в таком формате «любви» я не вижу. А для него это и не любовь вовсе... Так, очередной штрих в начатую им картину насыщенной холостяцкой жизни: я где-то между пятничным боулингом с друзьями и началом новой трудовой недели. Боже, до того неважная, что даже вечера субботы недостойна, ведь тогда не останется отговорок, чтобы не оставаться со мной до утра…

Наверное, кто-то скажет, что здраво оценить ситуацию можно было и раньше, но я окончательно осознаю весь масштаб катастрофы только сейчас – в моей жизни есть регулярный секс, а плеча для простой бабской истерики подставить некому. В наличии лишь свободолюбивый мужчина, ко-

торый чихать хотел на мои переживания, четыре кошки, нашедшие временное пристанище в моём доме, и странный незнакомец, обосновавшийся на диване — они как резные стекляшки в сломанном калейдоскопе. Сколько ни старайся, единая картинка не получается. Чего-то не хватает…

— Мозгов, Брагина! Тебе не хватает мозгов, — зло бью ладошкой по рулю и тут же яростно смахиваю солёные капли со щёк. — Нельзя раскисать. Нужно что-то делать.

Для начала выбросить из головы Васнецова. Он обо мне не беспокоится, так с чего я должна? А после подняться, наконец, на пятый этаж, натянуть на губы улыбку, обнять маму, помахать усевшемуся за компьютер отцу, и каким-то неведомым образом добраться до старого Ваниного шкафа. И желательно, без свидетелей, а то объяснить, зачем мне понадобились его вещи, последние несколько лет пылящиеся в антресолях, я не смогу.

— Ну, Саша! — да, похоже, и не придётся.

Ванька меня сдал, да?! Поэтому мама так хмурится, пропуская меня в квартиру?

Забываю, что нужно дышать, на автомате сбрасывая замшевые полусапожки на коврик, и наверняка белая, как этот налипший к подошве снег, жду, пока Людмила Брагина объяснит мне причину своего недовольства.

— Не стыдно? Мы с отцом решили, что ты совсем своих стариков забыла!

— Только о своих кошках и думаешь! Нельзя так, дочь!

Фух, а я уж распереживалась!

Искренне улыбаюсь, чмокая холодными губами пухлую папину щеку, и следующие двадцать минут болтаю о какой-то ерунде, украдкой поглядывая на часы.

Меня ждут. Безымянный человек с неидентифицируемым лицом – глаза затёкшие, губы раздутые, нос разбитый. Интересно, красивый хоть? На моё стремление помочь это никак не повлияет, но женское любопытство никуда не денешь. Поэтому, роясь в Ванькином барахле, я стараюсь не прогадать — если уж и наряжать моего нового знакомого, то хоть не во то попало! Чёрный свитер, голубые (других, уж простите, не было) джинсы, пара футболок и полинялые спортивки — для дома пойдёт. Чёрт, куртка ещё!

—Мам, а у Ваньки тут пуховика старого нет? — семеню в кухню, предусмотрительно запрятав собранный пакет за обувную лавку, и подпираю стену плечом, с теплотой взирая на попивающее чай семейство.

— Зачем тебе? — мама откусывает пряник и, тщательно его пережёвывая, с подозрением поглядывает на меня. А я молюсь – хоть бы не раскусила! Ведь брат был прав, наличия в бабушкиной квартире полуживого незнакомца они мне не простят. На Тото глаза закрыли, про кошек стараются не думать, а вот стоит заикнуться о вчерашних приключениях и всё, плакала моя самостоятельная жизнь. Отберут ключи, упакуют мои пожитки в коробки и вновь заберут под своё крылышко, прекрасно зная, что никакая ипотека ближайшие

пару лет мне не светит.

— Подопечным моим, – а значит ложь должна звучать убедительно. – Морозы стоят, Таня говорит, псы в приюте замерзают. Вот утепляемся как можем.

— Так в кладовке глянь. Там и одеяла старые есть. Синее не бери, я его на дачу отвезу, а вот красное байковое, пожалуйста.

Отлично. Садясь в машину я даже улыбаюсь – одной проблемой меньше. Ключи до сих пор при мне, а в больнице хотя бы не придётся краснеть за его драные джинсы. А что побитый... Ну с кем не бывает? Для этого и нужны врачи — пусть лечат.

***

Незнакомец

Квартира у Саши небольшая, при всём желании не разгуляешься. Больше часа мерю шагами узкую длинную прихожую, раз двадцать обхожу гостиную, изредка заглядывая в кухню, и уже чувствую себя здесь как дома.

Отлично, да? Не знаю кто я, чем живу, о ком беспокоюсь, зато без проблем проведу экскурсию по чужой двушке с завязанными повязкой глазами. Кухонный гарнитур цвета сочного апельсина, белый кафель вдоль стены, в углу небольшой стол с четырьмя табуретками. Окна завешены цветастым тюлем, на подоконнике растёт какой-то незатейливый цветок – одни листья, любоваться нечем. Ах да, стена украшена сним-

ками, по большей части собачьими… В общем, располагайтесь, эта Сашина кухня.

А если свернёте налево, минуя треть этой тесной прихожей, попадёте в гостиную и сможете полюбоваться фарфором. Его словно для этого и выставили на самое видное место – чтоб гости глядели и восхищались. Может, семейная реликвия?

Там ванна и туалет, а в самом конце коридора, похоже, спальня… Я заглянуть не решился, видимо, воспитан хорошо…

– Ну, – с подозрением кошусь на одну из кошек, потуже завязывая короткий пояс чужого халата, и не удержавшись, нерешительно касаюсь пушистой морды. – Наверное, я люблю животных. Как думаешь?

Молчит. Лишь ластиться к грубой ладони, словно не замечая, что кожа на моих костяшках шершавая, как наждачка.

– Как там тебя? Маркиза? Давай подскажи, где твоя хозяйка прячет запасные ключи?

Она же меня заперла. Добрая, но в предусмотрительности ей не откажешь: вещи мои забросила в стиральную машину, перед уходом долго возилась у одного из шкафов – мне кажется, прятала украшения – а уходя, закрыла меня на оба замка. В общем, положение у меня-то ещё: меня избили, спасли, но теперь вроде как взяли в заложники, и если как можно скорее мои джинсы, брошенные на батарею, не

высохнут, а кошка не махнёт хвостом в сторону хозяйского тайника – Саша меня в полицию отведёт. А я на сто процентов уверен, что мне туда не нужно.

Плюю на воспитание, сворачивая свою антистрессовую кототерапию и, воровато оглядев цепким взглядом уже хорошо изученную комнату, всё-таки двигаюсь к комоду. Где-то же ключи должны лежать? В одной из фарфоровых кружек, в плетёной корзинке с мелочёвкой, в прихожей, в конце концов!

Должны, но ни в одной из полок я их не нахожу. Даже в кухне роюсь, зачем-то встряхивая банки со всевозможными крупами, и несколько раз перебираю столовые приборы – пусто. Словно в комплекте с её замком шёл только один.

– Да твою мать?!

Что делать-то? Прыгать с окна, один чёрт хуже, чем сейчас чувствовать себя я не стану – болит всё тело, словно по нему пробежалось стадо слонов. Или замок ломать?

Натягиваю ещё влажные джинсы на ноги и с серьёзным видом изучаю конструкцию металлической входной двери, когда боковым зрением замечаю неприметный гвоздик за вешалкой. Ну, дурак! Весь дом перерыл, а она их на самом видном месте оставила!

Дальше действую на автомате: мокрый, неприятно липнущий к телу свитер, рваная куртка, которую девушка так и не рискнула почистить, мои ботинки, к слову, самая приличная вещь в моём гардеробе. Похоже, натуральная кожа, с акку-

ратной надписью на подошве «made in Italy». Вывод: никакой я не бомж, да? Вряд ли тогда я бы смог себе позволить хорошую обувь…

В последний раз оборачиваюсь назад, ухмыляясь четырём шерстяным комкам, усевшимся в шеренгу на пороге гостиной и теперь с интересом разглядывающим мои спешные сборы, и от чего-то мешкаю, никаках не решаясь вставить в замочную скважину один из ключей.

Не знаю я, куда пойду, но и здесь оставаться не вижу смысла. Не Саша, так её родня, разведут бурную деятельность и рано или поздно обратяться в правоохранительные органы… Так что, выбора нет, нужно с чего-то начать. А начать лучше оттуда, где эта милая девушка меня подобрала. Вдруг что-то вспомню?

ГЛАВА 7

Саша

Дурное предчувствие... Я раньше всегда смеялась над мамой, стоило ей заглянуть в мою комнату и со всей серьёзностью заявить, что встречу с друзьями лучше бы перенести - сон ей плохой приснился, чёрная кошка перебежала дорогу или просто материнское сердце с самого утра беспокойно колотиться в груди. А теперь вот: сама торможу у подъезда, сильнее смыкая пальцы на ручках набитых одеждой пакетов, и, не удержавшись, кидаю обеспокоенный взгляд на свои окна. Что-то не так - ещё не знаю что, но руки уже начинают дрожать.

Словно ужаленная торопливо перебираю ногами намытые уборщицей ступеньки и, испуганно вцепившись в перила, торможу у своего порога. Явился!

Миша собственной персоной. Засунул руки в карманы серого пуховика и теперь глядит на меня сверху вниз. Да так пристально, что пальцы сами собой тянутся к дурацкой вязаной шапке, тут же стягивая её с затылка.

Господи, ещё какой-то час назад я решила плюнуть на нашу интрижку, запрятать воспоминания в дальний угол и больше никогда не открывать ему дверь, а стоило увидеть и глупый румянец на щеках выдаёт с головой - не так-то это

и просто...

- Ты чего? - шепчу побелевшими губами, опуская на пол свою поклажу, и в неверии пялюсь на нежданного гостя.

Суббота же! Разве не должен он отсыпаться после вчерашней попойки, мучиться диким похмельем или просто бездумно переключать каналы на телевизоре?

- Соскучился, - улыбается вместо этого и уже сгребает меня в объятья. А я дурею! В этом его парфюм виноват - сколько бы жадных вдохов ни сделала, никак не могу надышаться.

Совсем пропащая, да? Никакого стрежня внутри, никакой гордости. Лишь неуёмное желание запустить пальцы в его шевелюру и наконец ощутить его вкус на губах. Это и делаю, напрочь позабыв, что смертельно обижена его затянувшимся молчанием, таким открытым пренебрежением и ещё миллионом вещей, сейчас со стремительной скоростью улетучивающихся из моей головы. Теперь там лишь он - напористый, опаляющий горячим дыханием мою раскрасневшуюся щеку, по-хозяйски обшаривающий талию, словно я не в пуховике, а стою перед ним в чём мать родила...

Боже! Мы же в подъезде! Взрослые люди, а ведём себя как подростки!

- Давай зайдём? - шепчу, как в горячке, пытаясь нащупать в кармане ключи, но стоит ощутить прикосновение холодной стали к пылающей коже, мгновенно трезвею. У меня же в гостиной мужчина!

Наверняка лежит на диване в Мишином халате и умирает

от дикой головной боли. Крепкий, между прочим, на голову выше Васнецова, а что уж о габаритах говорить?

Сейчас пущу Мишу в квартиру и плакало моё женское счастье...

- Ты чего, Саш? Я, может, не вовремя?

Я губу жую, никак не решаясь отпереть дверь, а он мне в затылок дышит, наверняка угрожающе насупив брови.

- Чего застыла?

Ладно, рано или поздно правда всё равно выплывет наружу, так к чему тянуть? Глубоко вздохнув, киваю мужчине на свои пакеты, и стоит ему подобрать их с пола, вставляю ключ в замочную скважину. Разберёмся, верно? Подумаешь, незнакомец... За эти полгода мог бы и привыкнуть к тому, что я не могу пройти мимо чужой беды. А если вдруг психанёт, так тому и быть. Ещё неизвестно, чем он у себя занимается.

Прокручиваю ключ, удивлённо вскинув бровь, ведь я отчётливо помню, что закрывала верхний замок на три оборота, и не на шутку взволнованная, дёргаю дверь на себя.

- А где пёс? - я застываю как вкопанная посреди прихожей, а Васнецов как ни в чём не бывало вешает куртку на крючок. - Я уже морально настроился, думал он опять меня облает... Саш, с тобой всё хорошо?

Если бы...

- Умер Тошка, - не снимая сапог, семеню в гостиную, заранее зная, что никого там не обнаружу, и торопливо разма-

тывая с шеи шарф, бросаю не глядя на опешившего Васнецова:

- Если бы ты вчера мне ответил, знал бы.

Отлично. Нужно было запасные ключи забрать с собой! А я так погрузилась в свои мысли о предстоящих делах, что только подъезжая к ветклинике вспомнила, что они так и висят на гвоздике!

И что делать теперь? Проверять, на месте ли мои украшения, а после забыть этого бедолагу как страшный сон?

Словно и так непонятно, что незнакомца и след простыл, открываю поочерёдно все двери, с каждой секундой всё больше убеждаясь, что на этом моя спасительная миссия закончена, а Миша на обувную лавку садится и с интересом за мной наблюдает.

- Злишься, значит? Как чувствовал, что рано или поздно ты сорвёшься. Ты ведь не такая, Саш.

О чём это он?

- Не такая? - и сама останавливаюсь, теперь внимательно глянув на лучшего друга брата. Что это значит?

- Ну да. Тебе стабильности хочется. Чтоб мы съехались, твоей родне о нас рассказали, будущее на несколько лет вперёд распланировали, вот и бесишься. Только я сразу предупредил, что серьёзности не ищу. Сыт ей по горло.

Обидно вообще-то. Скидываю к ногам пуховик, всё также сканируя взором спокойное лицо своего гостя, и, устало вздохнув, сажусь прямо на пол. Ну вот, меня официально

признали девушкой на одну ночь. Ладно, на пару, но от этого как-то не легче... Ведь будь на моём месте Карина, он бы от серьезности не бежал. Три месяца пил, когда она на развод подала, мне Ванька рассказывал. А на меня как на прокажённую смотрит, словно я его ожидания обманула. Сама подписалась на эту интрижку, а теперь что-то требую...

- Ну, чего глазами хлопаешь? Мне уходить или как? - Миша встаёт, устало разминает шею, всем своим видом показывая, что правил менять не намерен, а я даже ответить не могу. Сил нет. Ни прогнать, ни остановить. Только глупая непрошенная слеза по щеке катится...

- Саш, ну не маленькая же уже. Либо принимай таким и перестань строить иллюзии, либо гони меня в шею.

Как у него всё просто! Словно чувства по щелчку пальцев отключаются - щёлкнешь, и уже не болит. Не ноет, царапая острыми когтями наивное девичье сердце.

- Как знаешь, Саш. В любом случае, если тебе моя помощь понадобится, обращайся.

Ну всё, уйдёт сейчас. Вроде бы привычное дело - мелькнул, разбередил душу и исчез, а завыть хочется в голос. Только разве это что-то изменит?

Смотрю, как он неторопливо натягивает пуховик, как бредёт к двери, как касается ручки, как оглядывается напоследок... И зачем-то спрашиваю:

- Ты зачем приходил?

Нет, я, конечно, и так понимаю, просто не вечер сейчас и

даже не воскресенье...

- Проверить. Мне вчера шепнули, что ты какого-то бомжа домой приволокла. Решил проверить... Но, похоже, меня надули.

Надули... Бледнею, словно не человек передо мной, а призрак, не первый год досаждающий мне своим присутствием, и неуклюже, из последних сил, выпрямляюсь на ватных ногах. Шепнули, значит...

- Карина?

Ванька не мог. С чего бы ему обсуждать с Васнецовым мои безумства? Ему же невдомек, что мы в этой квартире не первый месяц не пойми чем занимаемся...

- Карина, - Миша кивает, а я в два шага преодолеваю разделяющее нас расстояние.

Позабыв о слезах, что до сих пор блестят на щеках, подхожу вплотную, только сейчас окончательно проснувшись от дурного сна, и, игнорируя странный блеск в мужских глазах, сама толкаю дверь:

- Уходи, Миша. И больше не возвращайся.

Ну вот. Мотайте на ус, свободные отношения - это чёртов капкан. Попадёте в него, и он переломает вам все косточки. В ушах кровь шумит, но я даже сквозь этот гул слышу стук его шагов по каменной лестнице.

ГЛАВА 8

Незнакомец

Спустя пару часов бесполезного виляния по городским улицам, я наконец понимаю главное - с побегом я явно погорячился. Под ногами тонны прессованного ботинками снега, над головой небо холодно-серого оттенка, оглянусь - вокруг дома и закоченевшие хиленькие берёзки. Куда идти собрался до сих пор не понимаю!

Ведь ни черта я не запомнил! Ни как оказался в том гараже, ни какой дорогой ехали на Сашиной таратайке. Как мотор рычал, как дворники скребли заиндевевшее лобовое окно, как девушка испуганно на меня косилась - помню, а проделанный нами путь начисто стёрся из памяти. Или не отпечатался изначально, теперь и не разберёшь.

Ныряю подбородком в ворот грязного пуховика, в попытке немного согреться, и пару раз порываюсь разговорить прохожих, но, видимо, только один человек в этом городе готов пообщаться с парнем вроде меня. Настолько я плох, да? Продрог до костей, голова раскалывается, желудок сводит от голода, ведь кроме каши я ничего с утра не ел, ещё и губа, обветрившаяся на беспощадном ветру, вновь треснула, тут же оставив на языке отвратительный привкус металла. А уж про синяки и вовсе молчу... Так что неудивительно, что старушка, минутой ранее подкармливающая собак, презри-

тельно шипит в спину, отскочив от меня подальше, как от чумы:

- Работать иди, забулдыга!

Словно я не маршрут, а милостыню попросить собирался! Ладно, выход должен быть. Если уж добропорядочные горожане не горят желанием мне помочь, то вон та компания плохо одетых мужиков наверняка не откажет.

Собираюсь с духом, ощутимо вздрагивая всем телом от пронизывающего вихря, закрутившего в воздухе колючие снежинки, и решительно двигаюсь к лавочке, на которой расселись мои товарищи по несчастью. У них вот, похоже, тоже дома нет.

Останавливаюсь, даже в морозном воздухе улавливая исходящие от них ароматы, и лишь усилием воли сдерживаю гримасу отвращения. Чёрт, а ещё на старушку взъелся - я, может, и отмыт, но видок у меня так себе.

- Мужики, - откашливаюсь в кулак, тут же привлекая к себе внимание отдыхающих и остановившись взглядом на том, что потрезвее, интересуюсь:

- Нет тут поблизости гаражей?

Дурацкий вопрос, как ни крути! Это же город, тут в каждом районе их как грязи. Потому и смотрят на меня, как на идиота.

- Есть. Только те, что пустуют давно уже заняты. А тебе что отлежаться негде?

Не успеваю ответить, как старик в чёрном местами про-

жжённом плаще, протягивает мне грязный пластиковый стакан, и, указав пальцем на мою распухшую морду, интересуется:

- Кто ж тебя так отделал?

Похоже, пора вносить этот вопрос в личный топ. Он будет вторым в списке самых часто задаваемых, после закономерного «ты своё имя вспомнил?». Путаясь в словах, впопыхах рассказываю им свою историю, а они с видом умудрённых профессоров внимательно слушают, передавая по кругу жёваный бычок дешёвой сигареты. Смолят, выпуская в воздух густые кольца дыма, и лишь сочувственно вздыхают.

- Ну и история, друг! Я, кстати, Сан Саныч, - тот, что так ни разу и не притронулся к выпивке, лезет в карман, доставая очередную папиросу, и протягивает её мне. Руки у него грязные, но я всё равно беру - закурить вправду хочется. - Далеко ж ты ушёл! Тебе похоже на Заводскую улицу нужно. Там за домами как раз гаражи стоят. Кооператив небольшой, половина сараек давно брошены. Сам доберёшься?

Я киваю, а мой новый знакомый неспешно объясняет дорогу. Дойти до остановки, сесть на четвёртый автобус, доехать до конечной, а дальше вниз по Заводской улице. Не так уж всё и плохо... И мелочь у Саши, выходит, я украл не зря. Она, надеюсь, не заметит, а мне хотя бы идти не придётся. Минут двадцать и я буду на месте.

Саша

Пакеты с Ванькиным барахлом так и стоят не разобран-

ные. Мой пуховик так и валяется на полу. Слёзы так и текут по щекам.

Неудачница - скоро двадцать пять стукнет, а я даже на шаг не приблизилась к заветной цели. Ни детей, ни мужа, ни любви во взгляде единственного человека, которого я видела в роли своего спутника жизни. Шесть лет ждала, а оказалось ждать не было никакого смысла, только время зря потеряла.

Шумно высмаркиваюсь в салфетку, тут же комкая её и бросая в общую кучу пропитанной слезами бумаги, и, согнав с колен Эльвиру - персидскую кошечку двух лет от роду - решаю отвлечься на действительно важное дело.

Незнакомец ушёл, и, возможно, прихватил он с собой не только запасные ключи. Неспешно, уже морально готовая к тому, что вдобавок ко всем моим неудачам, я стала ещё и жертвой домушника, захожу в гостиную и приступаю к инспекции. Фарфор на месте, документы никто не трогал, даже шкатулка с украшениями так и лежит в шкафу под одеждой. Похоже, ни золото, ни современная техника его не прельщают. Позарился мой квартирант только на банку с мелочью, так что отделалась я малой кровью.

- Вот вам и плата за доброту, Нина Степановна, - касаюсь пальцами бабушкиного снимка и тоскливо вздыхаю, любуясь родными чертами. Интересно, что бы она сказала, окажись сейчас здесь? Известно что:

- Нельзя его так бросать! Бедный мальчишка в мокрой одежде ушёл! - словно наяву слышу знакомый голос и,

несколько раз моргнув, испуганно кошусь на часы. Начало пятого.

При нынешней погоде он уже раз пятнадцать мог замёрзнуть в каком-нибудь сугробе, ведь тех копеек, что он у меня умыкнул даже на койку в хостеле не хватит... Да и куда он без документов?

- Вот же дурак! - злая и на него, и на Мишу, из-за которого я потеряла драгоценное время, натягиваю на макушку шапку, торопливо обматываю шею шарфом, и, с трудом попав в рукава куртки, бросаюсь к двери.

Я волонтёр или кто? Если уж решила спасать, так спасай до конца, Брагина! Всё равно больше ничего не умеешь - кафе убыточное, личная жизнь на стопе, планов на будущее никаких. Так хоть какую-то пользу обществу принесёшь.

- Тань, ты гараж закрыла? - зажав плечом мобильный, выруливаю со двора, лихо вклиниваясь в ряды куда-то спешащих машин, и стоит услышать её удивлённое «нет», уже бросаю телефон на сиденье.

Там он, не сомневаюсь. Он, конечно, не пёс, да и на кота непохож, но в чём-то с моими подопечными схожесть есть - если бежит, то стремится туда, где уже бывал. Так что, добравшись до знакомого кооператива, я даже не удивляюсь, заметив свежие следы на снегу. Только вздыхаю с облегчением, бросая машину у соседнего бокса, чтоб не дай бог не спугнуть своего странного квартиранта. Попался!

На этот раз даже лопату из багажника не достаю, наперёд

зная, что защищаться мне не придётся. И сердце от страха вовсе не колотится внутри, когда я смело распахиваю дверь, тут же натыкаясь глазами на своего беглеца.

- Ну и дурак же ты! На всю голову отбитый! - бросаю прямо в опешившее лицо и, отыскав в темноте выключатель, позволяю свету залить своим свечением это холодное помещение. - Таня в гараж не ходит, но за электричество платит исправно. И как, нашёл, что искал?

Молчит. Только тушит спичку и тут же прячет ледяные пальцы в карманы куртки. А они наверняка ледяные, не сомневаюсь, ведь знобит его знатно.

- Неужели нельзя было по-человечески? Высушить одежду, дождаться меня, попросить отвезти в гараж? А не воровать мелочь и мои ключи?

- Они под ковриком, - явно смущённый собственным поступком, мужчина виновато втягивает голову в плечи, а я и ругаться уже не хочу, до того вид у него измученный.

Лишь тяжело вздыхаю, цепляю на лицо слабую улыбку, и, подойдя ближе, осматриваю серые стены:

- Что искать-то?

- Не знаю.

Отлично! Боюсь без чёткого плана мы здесь до утра провозимся: коробок штук двадцать , не меньше, в углу старая электроплита, у одной из стен детский велосипед, там же заляпанный стульчик для кормления и грязный плюшевый медведь в нелепых красных штанах. Даже странно, что за

ночь ничего не уволокли!

- Смотри, - слышу и оставляю в покое детскую игрушку, уже торопливо вышагивая в указанном незнакомцем направлении. - Следы чьи-то. А кровь, похоже, моя.

И вправду. Сажусь на корточки, подсвечивая мобильным нашу находку, но если быть честной даже не знаю, о чём это должно мне говорить. Ну след, вроде мужской, размера сорокового, не больше. А дальше что?

- Не вскрывал я этот гараж, меня сюда приволокли. Да и чем? У меня карманы пустые, - делится своими наблюдениями незнакомец, продолжая дрожать от холода как осиновый лист, а я пытаюсь переварить услышанное... Это же хорошо?

- Значит, ты точно не вор!

- А ты сомневалась? - он криво усмехается и тут же касается большим пальцем раненой губы - от улыбки рана вновь начинает кровоточить. А я автомате достаю платок, заботливо промакивая капельку крови белой тканью. И чего он на меня во все глаза таращится? Словно я с луны свалилась.

- Имею право, ты у меня двести рублей утащил.

- Сто восемьдесят четыре. Саш, - я хочу отвести руку от его лица, уже сминая грязный платок в кулаке, а он перехватывает запястье, не давая отодвинуться, и тяжёлым взором пригвождает меня к месту. - Я всё равно уйду.

- Почему?

- Потому что в полицию мне нельзя. А ты заставишь.

Что значит нельзя? И долго мне так сидеть, ощущая чужие

ледяные пальцы на своей коже?

- Ты что-то вспомнил, да? - свободной рукой избавляюсь от его захвата и словно это не он, а я потеряла память, с замиранием сердца жду его ответа.

- Нет, просто знаю и всё. Не знаю, как это объяснить... Внутри такое чувство, будто я совершил что-то нехорошее... Гадкое, Саш.

Вот так новости! Не двигаюсь, с минуту пытаясь разобраться в собственных ощущениях, а он всё смотрит и смотрит на бурые кляксы, впитавшиеся в дощатый пол.

Нехорошее... Он высокий, пожалуй, ростом с моего Ваньку, и такой огромный, что отбрасываемая им тень ползёт по полу, но так и не поместившись, убегает на стену. А мне не страшно. От слова совсем.

Даже когда он встаёт, возвышаясь надо мной как чёртов Халк, пусть и неестественно помятый, ладошки от страха не леденеют. Не боюсь.

- Ты лучше иди, Саш. Я и так у тебя по гроб жизни в долгу.

- А ты? Что ты будешь делать? Таня явится с минуты на минуту, так что в гараже тебе не остаться.

Да и холодно, его уже лет сто не топили.

- Придумаю что-нибудь. А тебе спасибо за всё. Такие, как ты, встречаются в наше время нечасто.

Придумает! Да уж не сомневаюсь, что ничего умного его пробитая голова не сгенерирует! Джинсы вон до сих пор влажные и у ботинок покрылись инеем, а он корчит из себя

героя! Ещё и прощается, торопливо двигаясь к выходу, даже ни разу не обернувшись...

- Стой! - а значит уйдёт, если я не попытаюсь его остановить.

Подскакиваю, едва не падая, зацепив сапогом одну из коробок, из которой тут же вываливается на грязный пол белое свадебное платье, и впопыхах затолкав обратно напоминание о худшем из Таниных кошмаров, догоняю этого загадочного человека.

- Договорились, никакой полиции! - кричу ему вслед, шумно захлопывая за собой дверь, и семеню по рыхлому снегу, и сама промерзая до самых костей от одного взгляда на его трясущуюся от озноба фигуру. - Только к врачу мы всё равно съездим. И разместим пост в местных пабликах. Как только твои синяки немного сойдут...

Ведь не смогу я так! Сон потеряю, если не удостоверюсь, что с ним всё в порядке! А он словно элементарных вещей понять не в силах:

- Зачем тебе это? - болезненно щурится и без того узкими, как щёлки, глазами, и словно в землю врос, не двигаясь, стоит в метре от моей машины.

- А кто, если не я? Я больше желающих тебе помочь не наблюдаю.

Всё просто же!

- А если... - он осекается, поджав разбитую губу, и никак не решается взглянуть мне в глаза, словно собственных мыс-

лей стыдится.

- А если однажды ты вспомнишь, что совершил преступление, сам пойдёшь в полицию. Договорились?

Я не дышу. И он, кажется, тоже.

- Решайся. В багажнике есть одеяло, - применяю запрещённый приём, радуясь, что мамина щедрость сегодня не знала границ, и достаю автомобильный брелок, разбавляющий звенящую тишину знакомым писком. - И чай в термосе. Едем?

Ну вот, кажется, я только что ввязалась в очередную авантюру, ведь немного поразмыслив, незнакомец кивает, и сам достаёт красное байковое одеяло из пакета.

- Прорвёмся, мистер Икс, - завожу двигатель и успокаиваю себя лишь тем, что в отличие от моих приключений с Васнецовым, здесь всё хотя бы предельно ясно - в конце мне точно не придётся страдать.

ГЛАВА 9

Саша

На календаре двадцатое декабря, а за окном начался апокалипсис, ведь погода словно взбесилась и, порадовав горожан неожиданным потеплением, вывалила на город очередную увесистую порцию снежной ваты. А в моей гостиной вот уже четвёртые сутки подряд приходит в себя незнакомец… Заметно окрепший, но до сих пор немного пугающий.

– У твоего брата ужасный вкус, – даже забавная белая футболка с улыбающимся смайликом на груди не спасает ситуацию.

Наверное, всё дело в том, что улыбается этот смайлик только свисая со спинки кресла. А стоит моему новому знакомому натянуть его на свой могучий торс, тут же становится до уродливого серьёзным.

– Боже, Ванька её на втором курсе носил. Она на нём едва ли не до колен болталась. Кофе будешь?

Мужчина кивает, подхватывает на руки задремавшую Зефирку и садится на стул, а я достаю с полки вторую кружку.

Ну что сказать? Мы вроде как неплохо ладим. Секретами, конечно, не делимся (ведь я человек скрытный, а он ничего о себе не знает), но парой сотен слов за сутки обязательно перекидываемся. О ерунде говорим и терпеливо ждём, ко-

гда же его разум уже включится в работу: проснётся после затяжной спячки, отроет в своих глубинах важную информацию и, наконец, выдаст хоть что-то о его прошлой жизни. Пока безрезультатно.

– Как спалось, Семён? – я опускаю перед незнакомцем дымящуюся кружку и внимательно слежу за его реакцией. Ну вот, как обычно, ни один мускул на мужском лице не дрогнул! Только губы растянулись в кривой усмешке, а пересечённая затягивающейся раной бровь насмешливо изогнулась.

– Спалось отлично, а я, слава богу, никакой не Семён.

– Чем это тебе Семён не угодил?

Он как-то неопределённо ведёт плечами, а я тяжело вздыхаю, ведь за эти дни уже кучу имён перебрать успела. Кажется, никого не упустила, а всё без толку. Нет, есть, конечно, одно, но я до сих пор боюсь его примерять на своего квартиранта. Вдруг сядет как влитое? А ещё одного Миши, пусть и не Васнецова, моя нервная система точно не выдержит.

– Ладно, с завтрашнего дня начнём перебирать восточные. Вдруг ты какой-нибудь Арам или Давид?

– Главное, чтоб не Акакий или Прокопий, – мужчина ухмыляется, пряча слабую улыбку за поднесённой ко рту чашкой, а я подпираю щёку кулачком – хорошо мне.

Вот сидит человек израненный, потерянный, думает это я его спасаю, а на деле… Плакать он мне не даёт. Бродит по моей квартире и даже не подозревает, что своей задумчивой

мятой физиономией отвлекает меня от грустных мыслей.

Миша ведь сгинул, словно и не было его никогда: ни поцелуев его, ни рук на моём обнажённом теле, ни мятых простыней, навсегда потерявших его запах после убойной дозы кондиционера. Только халат и остался, как напоминание, что, поддавшись собственному безумию, я чуть добровольно не согласилась на роль карманной собачки: захотел – поманил, надоело – бросил.

Наверное, пока я здесь нянчусь со своим болезным, упорно отгоняя подальше назойливые воспоминания, мой самый страшный кошмар налаживает отношения с Кариной… Она, конечно, и бровью не повела, когда мы с моим безымянным соседом заявились в её клинику, но моё зашедшееся в безутешном вое сердце испуганно пропустило удар – знает она. И о том, что было у меня с её бывшим мужем, и о том, чего уже никогда не будет.

Засматриваюсь на снимок Тото, висящий в беленной рамке аккурат по центру стены, и так глубоко погружаюсь в болезненные воспоминания о любимом мужчине, что не сразу ощущаю блуждающий по моему лицу задумчивый взгляд карих глаз. А они карие. Пусть белки до сих пор красные, но стоило отёкам немного сойти, как я без труда определила их оттенок – горячий шоколад. И волосы у него чёрные как смоль, так что может и впрямь пора обратиться к Востоку?

– Чего? – зажимаю губами чайную ложку, которой вот уже пару минут мешала давно растворившийся в кофе сахар, и

удивлённо на мистера Икс смотрю. А он плечами пожимает:

– Ничего, спросить хотел.

– Так спрашивай.

Только, пожалуйста, не о мужчинах. Стыдно же – четыре дня сосуществуем рядом, а мне ни одного звоночка от кавалеров не поступало. Как бабка-кошатница, ей-богу!

– Что это за собаки?

Фух, пронесло! Даже и не заметила, что от волнения задержала дыхание! Теперь с облегчением выдыхаю, одновременно с собеседником глянув на десяток хаотично развешанных над столом снимков, и, горделиво задрав свой нос, произношу:

– Моя личная доска почёта. Их я смогла пристроить в семьи. Правда, не всех с первого раза, но сейчас, – переплёвываю через плечо, тут же постучав кулачком по столешнице, – с ними всё хорошо.

Только Тотошке не повезло, но последние годы его жизни по всем собачьим меркам были прекрасны.

– Этих тоже скоро раздашь?

–Надеюсь, – слежу за тем, как его большая ладонь зарывается в пушистую белую шерсть, и невольно улыбаюсь. – Ты ей нравишься. Она редко так спокойно сидит на руках. Даже у меня.

Васнецова так вообще избегала. Чувствовала, наверное, что ему не до этого: сюда он приходил вовсе не за разговорами о тяжёлой судьбе бездомных животных…

– Ладно, мне на работу пора, – горе-бизнесмен как-никак! – Про лекарства не забудь и синяки мазью намажь. А вечером меня рано не жди, я с Таней за город поеду. Говорят на трассе уже несколько дней пёс ошивается.

– И вы его забрать решили?

– Ну да, пропадёт же! – смеюсь над тем, как его челюсть медленно ползёт вниз, и, наспех проглотив бутерброд, вытираю руки о полотенце.

Это нормально. Вполне закономерная реакция на наш с Пермяковой альтруизм. Пока люди вздыхают, лайкая грустные посты об очередной потеряшке, мы дело делаем. И, хочется верить, полезное.

– Саш! – слышу уже в дверях кухни и оборачиваюсь к незнакомцу, смущённо почёсывающему затылок. – А с вами можно?

– Куда?

– Собаку спасать… А то я в четырёх стенах скоро свихнусь.

Вот дела! Рука огромная, мощная, забита татуировкой; безразмерная футболка далёкой Ванькиной юности едва ли по швам не трещит; поношенные спортивки плотно обтягивают крепкие мужские бёдра, а на лице синяков пять не меньше… В общем, бандитско-дурацкий вид, а он в волонтёры податься решил! До того огорошил меня своей просьбой, что я дольше положенного пялюсь на его разукрашенный бицепс!

– Как с нами? – ещё и переспрашиваю, как дурочка, зачем-то кивая на его незатейливый «рукав».

– За компанию. Трасса же, а темнеет рано. Вдруг помощь моя пригодится.

Логично. Только кивнуть я не успеваю, ведь он растягивает губы в улыбке, укладывает довольную кошачью морду на своё крепкое плечо, и, всё так же поглаживая Зефирку, выдаёт:

– Смешная ты, Саш. Когда домой к себе пустила, даже глазом не моргнула, а как с собой на дело взять, так слишком татуированный.

И то правда! Чего это я? Отступаю в коридор, пятясь спиной по направлению к спальне, и пока не успела передумать, соглашаюсь:

– В шесть у подъезда, ключи на гвоздике. Только шапку пониже натяни, а то у нас в доме старики мнительные в это время своих собак выгуливают. Потом пустят слух, что я к себе домой бандюгана пустила.

– Так я разве похож? – Зефирку целует во влажный нос, а указательным пальцем свободной руки тычет на скуксившийся смайлик на груди.

Ни капельки!

– Ещё как! – и дверь в спальню закрываю, по привычке подпирая шваброй. Одеваться пора, рабочий день вот-вот начнётся.

Незнакомец

Она мне трусы купила. Три пары простых серых боксеров с оранжевой надписью на резинке. Пять пар носков, ну знаете, тех, что при желании можно натянуть до середины икры. Зубную щётку, крем для бритья, кучу лекарств, блок сигарет и упаковку спичек – в общем, снабдила всем необходимым. Не знаю, заботился ли прежде обо мне кто-то так, как это делает Саша, но чувство благодарности, с каждой минутой всё больше и больше разрастающееся в груди, даже сейчас не выразить никакими словами.

Ангел, по-другому и не скажешь… Может быть, зря я себя так рано в бандиты записал? Ведь тогда вряд ли судьба свела бы меня с этой женщиной: волосы тёмно-каштановые, глаза цвета дорогого хорошо выдержанного коньяка и обязательная улыбка на губах – добрая, располагающая. Она носится со мной, как с ребёнком, и всякий раз, когда на её вопрос о проблесках памяти я отрицательно качаю головой, расстроено хмурится… В общем, спасать безымянного пса я поэтому и вызвался – стыдно уже на её шеи сидеть. Так хоть в чём-то пригожусь.

Из подъезда я выхожу даже раньше – без пяти шесть. Как и пророчила моя благодетельница, вдоль обнесённых невысоким забором сугробов уже неспешно прогуливается пенсионер, и стоит мне замереть истуканом на скользком крыльце, его огромный чёрный лабрадор тут же изо всех сил тащит ко мне своего хозяина. Похоже, покусать чужака решил… Нет, обнюхивать принялся. Животина тычется носом в мои

ботинки, а мужчина украдкой поглядывает на моё скрытое полумраком лицо. Всё же не зря я шапку пониже натянул.

Словно наступил голыми ступнями на рассыпанные по снегу иголки, переминаюсь с ноги на ногу, молясь про себя, чтобы эти двое поскорее ушли, и всё на дорогу поглядываю в поисках Сашиной таратайки. И не в старике тут дело, а в этой дурацкой оранжевой куртке…

Не зря мне её брат не понравился, ведь его обноски едва налазят на моё натренированное тело, отчего выгляжу я до смешного глупо – огромный мужик, а джинсы обтянули бёдра, как вторая кожа, хоть прямо сейчас в балет иди! Впрочем, кто знает, может у меня самого со вкусом беда? За эти дни ни одной картинки перед взором не мелькнуло – не человек, а нерешаемая загадка!

– Ну что, готов? – отскакиваю от надоедливого лабрадора и с облегчением выдыхаю, ведь уха уже касается знакомый голос, льющийся из приоткрытого водительского окна. – Прыгай, ковбой, поедем мир спасать.

Дважды просить меня не приходится: обхожу отечественную колымагу, только сейчас замечая, что место рядом с Сашей уже занято какой-то девушкой, и немного повозившись с заедающей ручкой, наконец, устраиваюсь сзади.

Итак, это Таня, да? Приятная дамочка с выбивающимися из-под шапки шоколадными кудряшками и хорошо читаемой настороженностью во взгляде. Пока её подруга неторопливо выруливает со двора, она разворачивается ко мне

вполоборота и, внимательно рассмотрев, слабо улыбается:

– Неплохо выглядишь. Как голова?

– Лучше, – разматываю шарф, бросая его на сиденье, и расстёгиваю тесный пуховик. Чёрт, извиниться бы нужно…

– Ты за гараж прости. Сам не знаю, как там очутился…

– Да брось, брать там всё равно нечего. А замок давно нужно было сменить. Саш, ну и нарядила ты своего найдёныша! У Брагина что вещей поприличней не нашлось?

– А мне особого выбора не оставили, что у родителей нашла, то и притащила, – Саша смеётся, а её подруга насмешливо прыскает:

– Вот парочка – один гаражи вскрывает, другая родню обнесла!

Ну, что сказать? Дурной пример заразителен, так что остаётся лишь скрестить пальцы наудачу, ведь если окажется, что я полоумный маньяк, утягивать Сашу на эту тёмную сторону я желанием не горю.

Лениво приподнимаю уголки губ, отворачиваясь к окну, и без всякого энтузиазма слежу за мелькающими за стеклом пейзажами. Чёрт, не альтруист я. Сейчас бы на вверенный в моё пользование диван: уткнуться глазами в потолок и копаться, копаться в пустой голове, пока виски не начнут ныть… А как заноют, копаться уже с удвоенной силой, ведь если мозг не готов к сотрудничеству на добровольных началах, я готов взять его измором. Замучился. Как двухметровый младенец, разве что без памперсов и ложку сам держу

– ни прошлого нет, ни планов на будущее, одно настоящее, где каждая мелочь в новинку.

Впервые вижу и эту заправку, что Саша резво оставляет позади, и эти деревья, непроницаемой стеной выстроившиеся по обе стороны дороги, и этот небольшой мост, что мы минуем буквально за десять секунд. Словно я безвылазно в городе сидел, где-то в наглухо запертом бункере, ведь всякий раз глянув в окно из Сашиной гостиной, чувствую одно – я турист, ничего мне здесь не знакомо.

– Эй, ты прежде чем-то подобным занимался?

И даже на такой простой вопрос ответить не могу. Хорошо что Таня вовремя хлопает себя ладошкой по лбу, бурча себе под нос что-то нечленораздельное, и устроив локоток на спинке своего кресла, продолжает уже без прежнего напряжения:

– Ладно, дружок, проведу небольшой инструктаж. Увидишь собаку сразу к ней не иди, – словно я собирался! – Сначала подкормить её нужно, она в руки просто так не даётся. Никаких резких движений, криков, и упаси тебя бог, не вздумай показывать страх. Собака всё-таки непростая.

Что?

– Стаффордширский терьер, – не отрываясь от снежного полотна, расстилающегося впереди, огорошивает меня Саша, даже не подозревая, что прямо сейчас мои мечты о её диване начинают казаться несбыточными. – Её дня три назад впервые заметили. Сидит на одном месте, гоняется за тём-

ными автомобилями. Бросили, похоже. Пристроить не смогли, вывезли в лес, а она, наивная, ждёт, когда же за ней вернутся.

– А может просто с машины выпрыгнула. Тут же федеральная трасса, – вставляет свои пять копеек моя новая знакомая, почёсывая макушку через плотную вязку спортивной шапки. – Ну, мало ли: хозяин по нужде вышел, а пёс на волю сиганул. Такое бывает нередко.

Отлично. Я до сих пор кручу в голове лишь одно слово, пугающее меня до чёртиков, а эти дамочки сочувственно вздыхают, сопереживая неизвестной им псине. Да какой псине?! Машине для убийств, это же чёртов амстафф!!! От одной мысли о предстоящей встрече мне становится дурно…

– Боишься, что ли? – а эта девушка, минут десять назад в пух и прах раскритиковавшая мой жалкий вид, ещё и посмеивается. Губы, обведённые красной помадой, растягивает, обнажая белые зубы, и, насмешливо хлопнув ресницами, пихает локтем водителя. – Ну и помощничка ты нам подогнала! Боюсь, как бы нам его спасать ни пришлось…

Отлично. Опростоволосился, верно?

– Таня! – вон, даже Саша смеётся. Давится смехом, поглядывая на меня через зеркало заднего вида, и беззлобно хлопает подругу по плечу. – Чего бояться-то? Это всего лишь собака.

Действительно. Подумаешь, стафф. Наверняка культурный, воспитанный, сытый… Увидит нас, радостно вильнёт

хвостом, и низко раскланявшись, прыгнет в багажник! Делов-то!

– И всем известно, что при должном обучении стаффы миролюбивы, ведь так? – она на меня смотрит, а я впервые за эти дни с её братом солидарен – сдурела совсем. Сначала меня подобрала, в квартиру пустила, шкаф его ограбила, теперь ещё и настоящего хищника пригреет… Целых две бомбы замедленно действия на сорока двух квадратах жилой площади для здорового человека перебор…

Хотя, на её вопрос всё равно киваю, мол, правда. Может, прямо сейчас ей долг и верну, ведь автомобиль медленно тормозит, а девушки уже натягивают на ладошки тёплые варежки. Правда, Таня немного медлит и, дождавшись, когда её подруга склонится над багажником, шепчет мне в самое ухо:

– А если переживаешь, можешь в машине отсидеться. Только двери заблокируй, а то когда он нас доест, наверняка за тобой охоту начнёт, – я глаза закатываю, а она хохочет во весь голос.

Саша

Собаку мы замечаем сразу. Среди белых сугробов, подсвеченных фонарями и фарами мчащихся мимо машин, тёмный клубок, припорошённый мягкими снежинками, сразу бросается в глаза. А сердце тут же сжимается от боли. Иначе никак. Пёс, приспособившийся дремать под скрип автомо-

бильных шин, тут же вскидывает грустную морду, с надеждой взирая на нашу с Пермяковой парочку: у меня в руках пакет с колбасой, у неё старенькая, зато вместительная, переноска… А главного нет – не по нам тосковал этот верный друг.

– Ну что там? Долго твой Тимуровец курить будет?

Я пожимаю плечами, пряча неуместную улыбку, под воротом куртки, а Таня уже нетерпеливо отплясывает на дороге:

– Говорила же, испугался! Какой нам от него прок? Спаситель хренов! Наверно, всю пачку уже скурил, пока с духом собирается!

Чего ворчать-то? Сама сказала ему не соваться, чтоб по неопытности, животное не спугнул, а теперь жалуется! Зло пар из ноздрей выпускает, от нервов уже в пятый раз поправляет шапку…

– Не ворчи. Он всегда курит медленно, – я бы сказала задумчиво. Затягивается, а потом долго, едва ли не с полминуты держит дым, не позволяя ему покинуть лёгкие. – Да и чего нас спасать? Давай уже поближе подберёмся.

Собака ведь, похоже, не против. Ни рыка, ни лая, ни попыток сбежать… Видать, замёрзла совсем. На улице минус пятнадцать, а у неё и подшёрстка подходящего нет. Вот и скажите теперь, разве человек не самый опасный в мире зверь? Приручил, вырастил и бросил на верную погибель!

Запускаю пальцы в пакет, доставая кусок побольше, и, на-

плевав на курящего у машины незнакомца, на ворчливую Таньку, на водителей, нарушающих скоростной режим, неторопливо вперёд шагаю. Шаг, два, три… Снег под подошвой хрустит, а измученная ожиданием собака, наконец-то, встаёт с завалинки.

– Тань, у неё лапа, похоже, перебита! – ведь она опасливо от меня пятится, а на снегу пятна красные…

– Вот тебе и раз! Обморозила, может?

– Или под колёса угодила? – играем в угадайку, теперь вдвоём подбираясь к бедолаге, да только расстояние между нами ни в какую сокращаться не хочет. – Нет, не дастся. Вера же мне говорила, к людям она не идёт. Иначе кто-то из наших давно бы уже к себе забрал.

Мы тормозим. Танька хмуро губу закусывает, а я разреветься хочу. Ведь наперёд знаем – ещё шаг сделаем, убежит, если вообще обороняться не бросится. А если не сделаем – умрёт, не выдержав обещанных заморозков. Господи, замкнутый круг какой-то… От бессилия даже пакет с колбасой на снег валится, рассыпая по холодной земле скудный ужин для этой несчастной. Может и к лучшему, из рук всё равно не возьмёт.

– Зря приехали.

Не первый год в этом деле. Бывали случаи, когда приходилось неделями доверие зарабатывать: кормить ежедневно, перед глазами мелькать, радоваться, когда пёс, наконец, шёл на контакт… а потом начинать сначала, когда спустя день

или два на передержке, найдёныш вновь убегал в знакомые ему места. Беда лишь в том, что в случае с этой несчастной время – непозволительная роскошь.

Ну всё, я носом шмыгаю. Варежкой тру холодные щеки, стирая слёзы бессилия, уже капнувшие из глаз, и на притихшую Пермякову смотрю. Она тоже сникла, но хотя бы держится.

– Господи, жалко её! Нужно было снотворное взять…

– Так ведь еду не берёт!

Как не подступись, мы обречены на провал. Только и можем, что наблюдать, молясь, чтобы она к себе подпустила… Долго наблюдать, запоминая каждое пятнышко на замершем теле неспасенного нами питомца…

– Вы чего там замерли? – даже на окрик моего квартиранта не реагируем, ведь обе не знаем, что и сказать. Что не судьба ему сегодня вступить в ряды волонтёров? – Подойти –то уже можно? А то я замёрз у тачки топтаться!

Бессмысленно. Только он и не думает ждать моего одобрения, уже похрустывая позёмкой. Останавливается рядом с нами, не сразу находя взором огромного обессиленного терьера, а когда видит, бледнеет, больше не сводя глаз с воззрившегося на него пса. Правда боится? Вон и пальцы в кулаки сжал и челюсти от напряжения стиснул… Словно самого страшного в мире монстра увидел. Или…

– Чёрт! – Таня визжит, пугая меня не на шутку искажён-

ной от ужаса физиономией, и хватает меня за рукав, заваливая в сугроб. А я всё равно вижу: как этот самый пёс, что ещё секунду назад стоял памятником собачьей преданности, бежит со всех своих мощных лап прямо к моему незнакомцу! Как на землю его опрокидывает, и вот-вот вцепится в горло. Ведь вцепится, да? Вон как запрыгнул сверху, уже и к лицу пасть приблизил… Жмурюсь, до ярких вспышек, разбавляющих черноту перед глазами, до тошноты подступающей к горлу леденея от осознания, что прямо сейчас свершится страшное, и всё слушаю, слушаю… А криков нет.

– Герда, – лишь радостный мужской шёпот и собачий скулёж.

ГЛАВА 10

Незнакомец

*Герда...*Кличка сама сорвалась с губ. Даже раньше, чем перед взором замельтешили обрывочные видения: я гуляю с ней в парке, небольшом, безлюдном, а старенькие лавочки в нём выкрашены всеми цветами радуги; я хвалю её за принесённую палку, почёсывая за ухом, а она смотрит с надеждой, что я перестану вести себя как дурак и вновь подкину её любимый снаряд в воздух; я злой посреди светлой хорошо обставленной комнаты, держу в руке, похоже, любимую пару кроссовок. Злюсь, не сразу находя глазами нашкодившего щенка (Герде тогда было наверняка месяцев пять, не больше) и обещаю отправить её жить на дачу, если она ещё раз сгрызёт мою обувь.

А первое из них - женщина лет пятидесяти... Тёмные густые волосы сплетены в тугую косу, тронутые сеткой мелких морщинок глаза довольно сияют, губы, подкрашенные неброской помадой о чём-то мне говорят... Слов разобрать не могу, но отчётливо помню смех - заливистый, больше напоминающий смех девчонки, и уж точно не вяжущийся с образом этой ухоженной серьёзной дамы. Впрочем, и большая плетёная корзина, что она сначала держит в руках, а через мгновение уже вручает мне, нетерпеливо откидывая крышку, явно не дополнение к строгому наглухо застёгнуто-

му платью...

- Похоже, её подарила мне мама, - рассуждаю вслух, безостановочно поглаживая знакомую морду подрагивающими от волнения пальцами, и с надеждой гляжу на своего питомца, вдруг кивнёт? Знаю, глупо и это лишь очередное предположение, но от осознания, что оно хотя бы чем-то подкреплено, на душе становится теплее.

- С чего ты взял? - да и Саша, явно рада, вон как оживает, отвлекаясь от дороги на мой расстерянный голос.

Как объяснить? Шестым чувством? Глупо, как ни крути, да и устал уже. Четыре дня только на него и уповаю, а как по мне, это уже перебор даже для парня с амнезией.

- Я вспомнил женщину, высокую, красивую. С родинкой над губой. И у меня её глаза. Конечно, она может быть кем угодно, но я почему-то уверен, что мы родственники.

Чёрт, а может мне просто хочется в это верить? Верить, что я не был одиноким, нелюдимым затворником, и прямо сейчас в одной из квартир мелькающих за окном домов, та самая дама с косой зовёт меня по имени? Что меня кто-то ждёт, и пусть это большая наглость с моей стороны, но хоть кто-то плачет, потому что я был не таким уж и плохим... Любой бы на моём месте цеплялся за такие надежды.

- А ещё? Что-то ещё ты вспомнил?

- Какие-то мелочи, - устало тру ноющие виски и, боясь потревожить спящее животное, аккуратно поддаюсь вперёд к водительскому сиденью. - Я уверен, что у меня есть машина.

Перед глазами так и стоит картинка, как Герда высовывается в приоткрытое пассажирское окно, а ветер треплет ей морду, ведь я набрал хорошую скорость. Чёрт, да я даже запах пахучки в салоне помню - лимон.

- Помню комнату: светлые обои, наверное, серые, тёмный диван, журнальный стол из стекла. И картины... - растираю лицо взмокшими от волнения ладонями и вымученно вздыхаю. - Мазня какая-то. Больше похоже на кляксы.

Это пытка! Мой изнеженный бездельем мозг буквально кипит, напоминая, что рана на затылке ещё не зажила, а я изо всех игнорирую боль, стараясь насильно принудить его к работе. Собрать воедино эти пазлы и выдать мне оформленный результат, но получается какая-то ерунда. Вереница не взаимосвязанных событий, где главная героиня - сука американского стаффордширского терьера. Да это как сидеть в кинотеатре на наискучнейшем сеансе, и в полудрёме, с трудом разлепляя веки, пытаться уследить за сюжетом!

- Ни хрена не пойму!

- Эй, - и, похоже, мои страдания легко читаются на лице, раз Саша глушит двигатель у своего подъезда и, отстегнув ремень безопасности, неуклюже подбирает под себя правую ногу, по максимуму разворачиваясь ко мне. - Не паникуй, ладно? Ты ведь только начал всё вспоминать!

Она переплетает наши пальцы, участливо накрывая их свободной ладошкой, и улыбнувшись тут же встрепенувшейся собаке, старается приободрить:

- Никто не обещал, что это будет легко. Чёрт, это же целая жизнь! Пока восстановишь все события, немудрено запутаться. Я бы на твоём месте наверняка билась в истерике, а ты молодец, держишься, ясно? Так и продолжай! Главное, нос не вешай и дальше будет больше, так моя бабушка говорила.

Мне бы её уверенность. Её и её бабушки... Хотя бы капельку веры в то, что на это не уйдут годы, а когда память вернётся, я не стану мечтать забыться вновь. Потому что и плакать по мне некому, и человек я так себе, и кровью нож испачкал я, и Герду... Что если бедолагу Герду именно я бросил на той трассе? За те же испорченные ботинки?

Стоит только об этом подумать, а после припомнить, как какой-то час назад из последних сил она неслась ко мне по снегу, прихрамывая на переднюю лапу, хочется завыть. Только Саша не даёт. Нежно поглаживает руку, до сих пор удерживая мои пальцы в своих, а заметив, как я поник, ещё и подбородка касается. Без подтекста, как сделала бы, окажись на моём месте та же Таня или Ванька её, а у меня сердце в груди бухает так, словно она этой рукой не лица, а его касается:

- Ты хороший человек, Незнакомец. Безымянный, но хороший.

И глаза горят, словно это прописная истина, так что не стоит спорить.

- Мне не веришь, на Герду свою посмотри. Ни каждого хо-

зяина животное станет так преданно ждать. Уж мне поверь, я многое повидала.

Я горько хмыкаю, сам убирая от неё свои отогревшиеся руки, и откидываюсь назад, а девушка недовольно вскрикивает:

- Да ты чего?! Эта собака - клад! Сам понимаешь, как нам повезло? Я же волонтёр!

И? Вновь подаюсь вперёд, только сейчас замечая, каким ликованием горят глаза медового цвета и вторя им, перевожу взор на удивлённую Герду. Она замерла истуканом и теперь поглядывает то на меня, то на нашу благодетельницу. Тоже, видать, не понимает, отчего эта девушка, нетерпеливо избавившаяся от шапки и уже разматывающая шарф, так сияет.

- Ладно, моя очередь давать вводную. Первым делом любое спасённое животное везут куда?

Куда?

- Домой? - гадаю, а моя спасительница пальцем по виску стучит:

- К ветеринару, глупый! И не только для того, чтобы подлечить или обработать от паразитов. Адресник ты своей собаке повесить на шею не догадался, но клеймо или чип ещё никто не отменял. Так что, возможно, завтра, мистер Икс, ты представишься мне официально. Главное, с клубом связаться и заводчика отыскать!

Она смеётся, первой выбираясь из машины, а я как пришибленный сижу. Вот ведь... Да я вытянул счастливый би-

лет, очнувшись в том холодном гараже!

- Пошли, Герда! Только не вздумай сожрать моих кошек! - и собака тоже. Послушно выпрыгивает из салона, бредёт к Саше, садится рядом с ней и на меня таращится. Наверное, боится, что опять потеряюсь...

- Эй, уже начало двенадцатого! Пока с ней провозимся, пока сами отогреемся... Долго нам тебя ждать?

Нет, недолго. Ведь стоит Сашиным словам прочно обосноваться у меня в мозгу и из машины я вылетаю как ужаленный. Дверцей хлопаю, но не оставляю владелице ни малейшего шанса отчитать меня за халатное отношение к её имуществу. Ведь смеётся уже, оторванная от земли моими внезапно окрепшими руками.

- Завтра, Сашка! Завтра я всё узнаю! - кричу на всю улицу и подгоняемый развеселившимся псом несу к подъезду своего ангела. Век не расплачусь. И сколько хотите бейте по голове - Сашу Брагину не забуду.

Глава 11

Саша

Утро нового дня начинается с моей довольной улыбки: Тото ушёл, и услышать собачий лай в этих двухкомнатных хоромах я уже не рассчитывала. Твердо решила ограничиться кошками, а всех подобранных с улицы бедолаг размещать в приюте - на старой Танькиной даче, что и не дача вовсе. Барак, в котором своей большой дружной семьей, Пермяковы прожили десять лет, пока не получили благоустроенную квартиру. Сносить его никто не торопится, Танины сестры на него не претендуют, отец уже год живет в деревне, вот мы и приспособили эту хибарку под свои нужды. Удобно - кормим подопечных по очереди, вычищаем двор, топим печь, когда погода особенно лютует.

Потягиваюсь на носочках, застыв у наглухо зашторенного окна, и отчего-то смеюсь, вспоминая вчерашние приключения. И Герду в сугробе, и нас с Пермяковой, распластавшихся на снегу, и незнакомца своего... Всё-таки не зря мы его с собой взяли! Знать бы, чем обернется наша спасительная миссия, бросилась бы на эту трассу раньше. Тогда и собака бы так не настрадалась.

А потрепало малышку знатно! Сажусь на коленки у брошенного к батарее одеяла и ласково касаюсь теплого собачьего носа:

- Дрыхнет. Хоть что-нибудь съела?

- Ещё бы. Просила добавки, но я не стал рисковать. Пусть лучше ветеринар сначала осмотрит. Саш, - мужчина смущенно проходится ладошкой по волосам и с придыханием выдает, не сводя глаз с моего лица. - Я всё верну. И за корм, и за лечение, и за лекарства свои. Только адрес узнаю.

Не сомневаюсь. Не жду возврата, но гляжу на этого заросшего щетиной мужчину, и лишь коротко киваю, не решаясь спорить. Ведь смысла нет, всё равно не поймет, что для меня лучшим вознаграждением будет его воссоединение с семьей. Чтоб увидеть, как он крепко обнимает мать, отца, сестру, брата... Не знаю, кого так тщательно прячет от нас его память, но если хотя бы один близкий ему человек отыщется - я буду счастлива. А значит действовать нужно.

- Ладно, одеваться пора. Ближайшая клиника открывается в десять, но если поехать до городской ветстанции, то нас примут уже в половине девятого. Готов?

Зачем спрашиваю? Он с самого утра сам не свой: по квартире слоняется, не зная куда себя деть от нетерпения, Герду свою каждые пять минут проверяет, Зефирку, как и остальных кошек, к которым собака осталась равнодушной, похоже, до того затискал, что они дружненько ретировались на шкаф.

- Готов, если ты на работу не опоздаешь...

- Издеваешься? Да ради такого дела я готова её прогулять. Так что одевайся, а я машину прогрею.

Незнакомец

Саша здесь явно бывает часто. К ветеринару - пожилой, тучной даме в белом халате - обращается по имени, её молоденькой помощнице дружелюбно кивает, мне уверенно указывает на нужную дверь, позволяя первым пройти в просторный, но скудно обставленный кабинет. Пока я устраиваю Герду на металлическом столе для осмотра, женщины обсуждают лечение неизвестного мне пса, интересуются состоянием Зефирки, и над чем-то смеются, но слушаю я уже вполуха.

На собаку свою смотрю. А перед глазами вовсе не эта комната: мужчина в медицинском зеленом костюме, выкрашенные в оливковый цвет стены со снимками довольных жизнью животных, добротный письменный стол, многочисленные шкафчики с лекарствами, кожаный диванчик в углу. Похоже, я предпочитал частные ветклиники...

- Эй, - и так задумался, что Саше приходится коснуться моего плеча, чтобы вернуть в реальность. - Уложи ее на бок, Вале нужно обработать ей лапу.

- И держи крепче, чтоб не дергалась. Смирная? А то можем намордник надеть. Свет, давай тоже помогай, боюсь не удержим.

Зря боится, ведь Герда послушно замирает, позволяя специалисту опытными руками ощупать живот и внимательно изучить каждую болячку, и лишь доверчиво таращится на

меня своими голубыми глазами. Красивая. Крепкая. Воспитанная. Я не плохой хозяин, верно?

- А окрас-то какой!

- Черный тигровый, - отвечаю на автомате и лишь качаю головой на Сашину улыбку.

- Тигровый... Лапу-то как порезала? - удобнее развернув лампу, доктор внимательно изучает длинную, сантиметров десять, царапину на теле моего пса, а я раздуваю щеки, в ответ лишь шумно выпуская воздух. Ведь вместо того, чтобы вспомнить, как моя девочка оказалась на той трассе, в голову лезут лишь подробности наших с ней прогулок: как она за голубями гонялась, как приставала к чьей-то таксе, а после испуганно пряталась за меня, ведь хозяйка у таксы от такого навязчивого желания познакомиться в восторг не пришла. И все урывками, мелькает перед глазами не дольше секунды.

- Ладно, сейчас покажу, как обрабатывать будете. Рана не глубокая, быстро затянется. Перелома нет. А хромает она из-за трещины на подушечке. Саш, тебе не в первой лечить, Светка распишет, а дальше все как всегда: уход, гулять в носке, на носок пакет. Что вас ещё на чип проверить?

Моя спасительница кивает, видимо, совсем не удивленная рекомендациями старого ветеринара, а я перестаю дышать, наблюдая, как Валя подносит сканер к мирно терпящей манипуляции Герде.

- Клейма нет, что ли? - слышу вопрос от молоденькой ассистентки и взволнованно обтираю взмокший лоб.

- Не нашли...

- Да как не нашли? Сашка, не позорься! Столько лет с собаками возишься, а номер проглядела, - не слишком-то аккуратно скользнув рукой по темному брюху пациента, суровая женщина, отложившая в сторону электронный прибор, машет рукой, и недовольно бурчит, - дай- ка мне бритву, Светуль.

Чёрт, меня в пот бросает. Ведь через минуту мы все вчетвером молча разглядываем аккуратную комбинацию цифр, выбитых на обритом клочке Герденного паха.

- И клеймо, и чип. Полный комплект. Дальше сами, проверяйте по базам. Саш, - я спускаю собаку на пол, а женщина передает волонтеру стопку листов, странно глянув на меня из под тонких бровей. - Задержишься? Тут неравнодушные граждане гостинцы вашим подопечным оставили...

Я надышаться не могу. Воздух ледяной дерет легкие, до боли впиваясь колючими иголками в грудь, а я всё равно жадно вбираю в себя очередную порцию. Спасён. С трудом представляю, как это работает, но на Герду теперь смотрю, как на героя. Выручила! И она, и та женщина из моих воспоминаний, что вручала корзинку с несмышленым неповоротливым щенком. Породным, ведь не озаботься дарительница родословной, мне не на что было бы сейчас надеяться. Все пять минут, что Саша не выходит на улицу благодарю вселенную за этого преданного четырехпалого друга, а стоит скрипнуть металлической двери, размашистым шагом на-

стигаю довольную девушку.

- Счастлив? - она сияет не меньше, с трудом волоча два набитых пакета, и заливисто смеётся, не сразу соглашаясь отдать их мне.

- Ещё спрашиваешь? Я всю ночь не спал, боялся, что ничего не найдем, а тут такой подарок!

- Целых два. Главное, чтобы данные по чипу были внесены в базу.

Иначе всё - вернусь в отправную точку. Составляю пакеты на заднее сиденье Сашиной машины и дождавшись, когда Герда устроится рядом с ними, озадаченно хмурю лоб:

- А может быть и такое?

- Нередко. В прошлом году был шпиц - чип есть, а информации нет. В июле Таня хаски нашла, с ошейником и клеймом. А на хозяина вышли лишь через неделю - заводчик долго искал записи, а когда нашел, оказалось, что покупатель года два назад перепродал собаку. Даже номер не сохранил, видимо, плевать было, как его питомец устроится в новом доме. Но! - я вновь становлюсь угрюмым, а девушка, бодрым жизнерадостным тоном пытается воскресить во мне надежду:

- Это худший вариант. Не наш, ясно? Сейчас заброшу тебя домой, отправлюсь на работу и начну поиски. Или...

Она закусывает губу, о чем-то раздумывая не дольше секунды, и сжав в пальцах брелок, предлагает:

- Хочешь со мной? Я погоняю девчонок по кухне, а ты

закроешься в моем кабинете. Как интернетом пользоваться ты же не забыл?

- Нет, - хмыкаю, и ловко ловлю брошенный мне ключ.

- Тогда поведешь, тут ехать минуты три. Вдруг тебе руль какие-нибудь воспоминания навеет.

ГЛАВА 12

Саша

Нет, он не дальнобойщик. И не таксист. И явно не фанат российского автопрома.

За рулём моей ласточки смотрится чужеродно, комично, едва умещаясь на просиженном сидении своим мощным поджарым телом. Лениво удерживая руль, послушно сворачивает, ловко вписываясь в поворот, со скучающим видом тормозит, когда мы наконец добираемся до моего кафе.

– Не обижайся, но на этом корыте нельзя ездить, Саш, – произносит уже на улице, наматывая на кулак паракордовый поводок – наследство Тото – и с видом умудренного знатока, несильно пинает колесо. – И резина лысая.

А то я не знала! Только со всеми этими злоключениями в виде несчастной любви, заботой об обездоленных и медленно идущим ко дну бизнесом, резина последнее, о чем я стану переживать. Безразлично пожимаю плечами, лишь с третьего раза захлопнув пассажирскую дверь, и уже семеню вперед по скользкому тротуару ко входу. Дверь стеклянная, кристально чистая снутри, но ужасно заляпанная со стороны улицы – быстрей бы морозы кончились.

– Смотрите, критик какой! Ещё неизвестно на чем ездишь ты!

– На чем-то надежном, – отвечает, галантно пропуская ме-

ня в нагретое помещение, и, строго глянув на нетерпеливого пса, переступает порог следом. – Так это оно? Твоё кафе?

Ну вот, сейчас и его в пух и прах разнесет? Ведь пока я снимаю куртку, он внимательно осматривается по сторонам, и чем больше мелочей попадает в поле его зрения, тем сильнее сходятся брови на его переносице. Чёрт!

– А с ним-то что не так?

Уютно ведь. Тесно, и сама знаю, но любой согласится, что над интерьером я поработала основательно. Вместе с родителями выкрасила стены в приглушенный фисташковый цвет, привлекла одноклассницу, закончившую художественную школу, и теперь могу похвастаться результатом ее трехдневных работ – леденцы, песочные корзинки с фруктами и шоколадные пончики вышли из-под ее кисти вполне аппетитные. Меню, опять же, оформлено ярко, с цветными картинками и вполне приемлемыми ценами. Только столиков мало, зато каждый из них накрыт свежей клетчатой скатертью.

Перекидываю через руку свою тяжелую зимнюю куртку и теперь сама хмурюсь:

– Лучше молчи, пока я не пожалела, что, вообще, тебя сюда притащила.

Ведь это выше моих сил! Одно дело безразлично повести головой на его реплики о доставшейся мне после ухода бабушки двенашки, другое – краснеть, пока он безжалостно критикует мое детище. Смертельно больное к тому же, ведь

неровен час и я даже аренду покрывать не смогу.

– Я и не думал… Здесь, – он тяжело сглатывает, отчего-то оттягивая пальцами вниз ворот теплого свитера, и, выдвинув стул, садится, словно внезапно почувствовал слабость. – Здесь хорошо, Саш. И пахнет вкусно.

Ванилью. Немного корицей, чуть больше свежим только что сваренным кофе, которое наверняка неспешно потягивают на кухне мои сотрудницы. И это вместо того, чтобы подготовить бар, наполнить солонки на столах, принести приборы и включить музыку, а то от этой гробовой тишины становится ещё тоскливее. Боже, до открытия десять минут!

– В кабинет пройдешь? – опомнившись, что рассиживаться здесь, еще и с собакой, не самая лучшая идея, подзываю к себе Герду, и указываю на неприметную дверь, рядом с уборной. – А я немного поиграю в начальницу и что-нибудь организую из еды. Ты любишь шарлотку?

– Наверное…

– Вот и отлично. Пароля на компьютере нет, вот номер чипа. И, пожалуйста, следи, чтобы Герда не лаяла.

Устроив своих соседей в небольшой каморке, скрытой от глаз посетителей, а натягиваю яркую красную жилетку с бейджем и торопливо врываюсь в кухню. Сидят! Юлька дожевывает бутерброд с докторской колбасой, Алёна лениво строгает эту же докторскую крупными кубиками, а Сеня, зевая, возится с кухонной машиной. Сонное царство, а не кафе!

– Уволю вас! Тебя, Сенька, в первую очередь! В обед за

тортом приедут, а ты даже крем ещё не взбила!

А ведь мы только на этом и держимся! Хорошо хоть дни рождения у местных бывают регулярно, а таких именинных пирогов, как у нас, даже в центре города не сыскать – я лучшего кондитера урвала.

– Да что там взбивать? Две минуты делов… Сливки же! – и Алеся Сенникова, никак иначе, как Сенька для своих немногочисленных коллег, прекрасно знает, что дальше угроз я никогда не зайду. Потому даже не морщится от звуков визгливых ноток в моем голосе.

– А коржам пропитаться?

– Ой, я тебя умоляю. Да если они пропитаются, именинник умрет прямо в свой юбилей от кулинарного экстаза. Успею я, Сань. Лучше Юльке скажи, чтоб в зал шла. А то все утро нам пудрит мозги своими каталогами!

И вправду – весь стол для раздачи завалила буклетами. Раньше хотя бы меня побаивалась и незаметно пихала свои брошюры посетителям, а теперь, когда и посетителей толком нет, и меня изучила со всех сторон, свою подпольную деятельность даже не скрывает. Духи, гели для душа, декоративная косметика, простенькие комплекты белья из натурального хлопка… Можно в магазин не ходить, у меня целый гипермаркет под носом!

– Да иду я, иду, – правда он уже закрывается, ведь совесть похоже берет над ней верх, и девушка смахивает в кучу глянцевую макулатуру. Прижав к груди увесистую кипу разнооб-

разных предложений, обтирает испачканную крошками ладонь о форменные брюки, и, шумно отхлебнув из кружки, сдается. – Иду. Только зачем иду, не понятно. Всё равно никто не явится раньше двенадцати.

Язва. Словно без этих напоминаний я хотя бы на минуту забываю об истинном положении дел! Третий год кручусь, а место будто проклятое – ни кредит не отбила, ни обещанную Алене индукционную плиту не приобрела, и на отпуск так и не заработала. Да и какой отпуск, если едва хватает на зарплату, оплату счетов и корма для моих бездомышей. Как бы самой с голоду не опухнуть!

– Сань, ну что там твой убогий? Не съехал ещё? – я холодильники инспектирую, отмечая, что пора бы затариться свежим мясом, а мой кондитер, и впрямь успевшая взбить сливки за несколько минут, с интересом следит за моим порханием по цеху.

– Немного. И не убогий он, – вступаюсь как за родного, склоняясь с чайной ложкой над плошкой с кремом и, спросив глазами разрешения, зачерпываю воздушный десерт. – Вкусно, Сень.

– А я что говорила! Я тебе за час такой торт состряпаю, что Аленке и не снился!

– А мне и не должен, это ты у нас конфетно-бисквитный мастер. А я за нормальную еду отвечаю. Сань, ну а вообще, вы его родню-то ищите?

– Или ты навсегда его оставить решила? Смазливый, на-

верное, вот и не торопишься…

– Дуры! – девчонки ржут, дегустируя свои творения, а я в духовой шкаф заглядываю, сглатывая слюну от запаха подходящей в нем шарлотки. Аромат корицы нос щекочет… а создательница этого пирога мои нервы:

– А что? Ну, хорош ведь, скажи? Иначе чего его так долго держать? – искренне удивляется, а я пальцем у виска кручу. Словно кривых и косых не грех на морозе бросить, а вот если Аполлон…

- Саш, сфоткай хоть! А то нас любопытство распирает!

Вот прицепились! Раз никому дела нет, принимаюсь натирать поверхности, про себя отмечая, что моя повариха опять пропустила мимо ушей длинную лекцию о необходимости почистить вытяжку, и, не подумав, бросаю:

– Зачем фоткать? Он у меня в кабинете сидит. Уходить будем, посмотрите. Эй! – шиплю, лишь чудом успевая схватить Сеню за пояс фартука, но девушка резво расслабляет узел и вынырнув из него, бежит вслед за напарницей. – Чокнулись совсем?

И зачем ляпнула? И что пригрела, и что в кабинет привела? Теперь позора не оберешься, я же своих девчонок знаю! Вцепятся в бедолагу и плакала его разведывательная миссия на просторах интернета. Пока не налюбуются вдоволь, не отпустят пару дурацких шуточек – с живого не слезут.

Наплевав на недомытый стол, швыряю тряпку в раковину, и, скользя по кафельному полу, к двери стремлюсь, только

занеся ногу над порогом понимая, что Сенькин фартук до сих пор держу в руках. А как понимаю, так и перебрасываю белоснежную тряпку через плечо. Аккурат на обмазанный кремом бисквит … Ну что за день?

– Девочки!

Ладно. Поздно уже. Втроем, прильнув друг к дружке, эти партизанки уже заглядывают в щелку, слегка приоткрыв дверь в каморку, и о чем-то шепчутся, где-то с минуту любуясь моим Незнакомцем. А когда Герда поднимает лай, торопливо ретируются подальше от разозлившегося стаффа. Поделом им! Жаль, что не покусала! А что торт еще не готов, так я и сама могу, не зря кулинарный техникум кончила. И заготовки на салаты нарезать, в отличии от Аленки, которая ножом орудует, словно дрова топором рубит.

– Ну, ты даешь, мать! Он же красив как чёрт! – ещё и какой-то бред несет, без стыда запуская пальцы под свой халат. Поправляет сдавленную тесными чашечками грудь и расправляет плечи, зачем-то расстегивая верхнюю пуговичку поварского кителя. – Можно я его накормлю?

– А я могу кофе сварить, – встревает Юлька, все еще не удосужившаяся протереть барную стойку, зато сложившая каталоги аккуратной стопочкой..

– С пирожным.

Рехнулись. У нас и раньше дисциплина хромала, а теперь и вовсе – кухню на стоп ставить придется. Ведь так и стоим в зале, пока Сенькин фартук пропитывается сливочным кре-

мом.

– Ещё чего! За работу! Все! – ногой топаю, а им до лампочки. Кажется, уже и собака не пугает, ведь опять к двери крадутся!

– Бегом! – потому и краснею, вспоминая слова отца, что управленец из меня никакой. Если и могу командовать, то только своими подопечными – они, познав холод и голод, куда сговорчивее, чем эти пышущие здоровьем девицы. Вот не выплачу им зарплату к праздникам и будут знать!

– Да ладно тебе! Сама корми… Только если что, знай, я тоже к чужому горю не равнодушна. И живу одна.

– И я, – хохочет Алена, подхватывая под локоток внезапно проникнувшуюся чужой бедой Сеньку, и кокетливо к волосам тянется, поправляя пусть и не их, так хотя бы шапочку, чтоб сидела на макушке идеально.

Сумасшедшие! Ну что с ними делать? Нас время поджимает, а они тут на мужика слюни пускают. И ладно бы на мужика, так на моего незнакомца! Красивый, говорят!

Все еще красная от стыда, волнения и черт разбери чего, одергиваю свою жилетку, послав убийственный взгляд каждой из нарушительниц порядка, и шикнув на них, как на своих хвостатых подопечных, выдыхаю, любуясь удаляющимися от кабинета спинами. Хоть сдались и то ладно. А то стой тут, карауль, чтоб они вместо прямых обязанностей наблюдательный пункт у бара не устроили.

Красивый… Кто красивый, он? В синяках же… Как толь-

ко рассмотреть смогли, клуши? Не удержавшись, теперь сама приоткрываю дверь, и словно Герда поймет, жестом прошу ее не лаять. Да так и стою с приложенным к губам указательным пальцем.

Ну, крепкий, я этот факт уже не раз озвучивала. Так кого этим в наше время можно удивить? Ванька мой тоже спортсмен, да и Миша… Незнакомцу, конечно, и в росте и в габаритах проигрывает, но тощим Васнецова никак не назовешь. Жилистый, статный, с правильными чертами лица, каждую из которых я в своё время изучила вдоль и поперек. Родинка на правой щеке, небольшие морщинки в уголках глаз, ведь до развода Миша любил посмеяться, губы – ни тонкие, ни пухлые, в самый раз, чтобы терять связь с реальностью, ощущая их жар на себе.

Да, вот Васнецов красивый. Для меня уж точно. А незнакомец... Палец ото рта отвожу и впиваюсь зубами в нижнюю губу, стараясь прогнать из головы навязчивый образ своего любовника и хоть разочек взглянуть на своего соседа, как на мужчину. А всё одно – крепкий.

Стол у меня небольшой, завален бумагами, кулинарными книгами и парочкой любовных романов, что Сеня читает в обеденный перерыв. Посередине стола компьютер, старый, я его у родителей конфисковала, как только они на новенький ноутбук раскошелились. Для дома слабенький, ни одну игру не потянет, а здесь вписался. И Незнакомцу моему, кажется, никакого дела нет до того, что системный блок как трактор

гудит.

Он к пузатому монитору глазами прилип, одной рукой управляет мышкой, другая расслабленно покоится на спинке кресла. Красивый… Скажут же! Вон, волосы в беспорядке. Наверное, неосознанно пальцы в них запускал, щеки уже так заросли, что даже синяк на правой скуле теперь не разглядишь, а ведь он там есть, как и царапина!

Да глупости же! Девочки перегрелись у плиты! Хочу уйти незамеченной, смирившись с тем, что пора бы их по очереди отправить в отпуск, чтоб головы проветрили, да только почувствовавший мой пристальный взгляд, Незнакомец вскидывает голову и резко поворачивается к двери.

– Шарлотки нет, – щеки мои горят, стоит взглянуть в его черные бездонные омуты, а дыхание сбивается, когда он разминает шею и откинувшись на спинку сцепляет пальцы в замок на затылке. Мощный, как Ванька, а в этом тесном свитере, тут же опасно натянувшемся на широких плечах, едва ли не больше… Захочет, одной рукой кому угодно шею свернет.

– Не страшно, – и голос такой… с хрипотцой. Он слабо улыбается, продолжая и дальше смотреть в мое пылающее лицо, а я киваю зачем – то.

– Салат принесу, – спешно закрываю дверь, для надежности привалившись к ней спиной, и с удивлением к собственному сердцебиению прислушиваюсь. Вот разошлось-то… Видать, от стыда места себе не находит.

– Ты чего?

– Ничего, – шиплю на кондитера, торопливо выбрасывая в ведро только что испеченную шарлотку, и, зло бросив противень в мойку, на этих двух ведьм гляжу. – Яблоки гнилые.

Незнакомец

Вы знали, что отыскать хозяев собаки по клейму не так уж и просто? И чип в ряде случаев лишь новомодная безделушка, бесцельно внедренная под кожу животного, с искренним удивлением взирающего на ваши потуги отыскать хоть какие-то крохи информации. Интернет бесполезен. И я, запертый в кабинете, совершенно напрасно мучаю дышащую на ладан машину. У Саши не компьютер, а динозавр, недовольно ревущий из-под стола.

Кресло скрипит, явно возмущенное моим весом, и всякий раз, когда я обреченно откидываюсь на спинку, колёса с противным скрежетом пятятся назад, врезаясь в обклеенную обоями стену. Кабинет… Да какой же это кабинет? Разве что в миниатюре, как и само кафе, молчаливо отстоявшее до обеда в не самом удобном для торговли месте. Окраина, дома в округе все как один – памятники безвкусной застройке советской эпохи. Ни заводов, ни зданий муниципалитета, а у нее в меню комплексные обеды… Кого хоть кормит за этими пятью столами, что с трудом уместились в крохотном зале? И куда брат смотрел, когда его любимая младшая сестра додумалась открыть свое дело здесь – у черта на куличках?

Я устало растираю виски, решив, что на сегодня хватит

тех двадцати запросов, что я отправил в наиболее крупные питомники, и от нечего делать оглядываю чужое рабочее место. Бардак: документы, немытая кружка из-под чая с засохшим пакетиком на дне, рванный куль с шоколадными батончиками в вперемежку с уже осиротевшими фантиками, стопка свежеотпечатанных меню и снимок счастливого семейства в намеренно состаренной раме. Его игнорирую, ведь Саши на нем все равно нет, а вот к глянцевой брошюре, сложенной вчетверо, от любопытства пальцы все же тяну.

Солянка. И в меню на одной из позиций, и само меню – раздутое, так что немудрено вылететь в трубу. Хмурюсь, внимательно изучая перечень представленных блюд, и както на автомате комментирую себе под нос:

– Шашлык. Где, интересно, они его жарят. И для кого?

Ведь глядя на вывеску с причудливо стекающей с букв глазурью, явно не догадаешь, что в кафе «Sweet Day» подают мясо. Вот пончики, фруктовый салат, свежий фреш и внушительный перечень пирожных – пожалуйста, а готовить на этой кухне стейк – извращение, как ни крути.

Только лучше оставить свои наблюдения при себе, хватит на сегодня и критических замечаний в адрес видавшей виды тарантайки. Поэтому, уходя, я стараюсь ничем не выдать своего истинного отношения к этому гиблому месту. И к сотрудницам, что выстроившись у бара в ширенгу, без стеснения таращатся на меня, стянув с макушек белые чепчики. Две в поварских кителях, девчонка, что помоложе, в такой

же желетке, что перед уходом Саша повесила на плечики в шкаф.

– Одинокие, что с них взять? – посмеивается директор кафе, и как и положено законопослушному гражданину, пристегивается ремнем безопасности, тут же включая печку остывшей Лады. – Уши не горели? Разговоры сегодня только о тебе.

– Надеюсь, хорошие? – улыбаюсь, спрашивая лишь для того, чтобы поддержать разговор, и пользуясь тем, чтл водитель сосредоточенно глядит на дорогу, морщусь от нарастающей пульсации в висках.

– Это как посмотреть… Но если я тебе надоем или Герда решит полакомится кем-то из моих подопечных, кровом ты обеспечен.

Смешно. Только смеяться не хочется. А стоит лишь на секунду представить, что Саша выставляет меня за порог, становится не по себе. Не по-мужски это, а всё равно страшно – она единственная кто не дает мне начать всерьез считать себя психом. Говорит на равных, не как с ущербным пустоголовым отребьем, в то время как для других я явно двинутый на голову отморозок.

– Всем запросы отправил? В РКФ* написал?

– В первую очередь, – типовая заявка с описанием Герды, номером клейма и снимком, что Саша щелкнула на свой мобильный, уверяя, что так дело пойдет быстрее. Только знать бы ещё конкретные временные рамки – уж слишком размы-

то звучит это ее «быстрее».

– Как долго ждать ответа? – не выдерживаю и вновь рассматриваю профиль, сосредоточенно вцепившейся в руль автоледи. А она лишь плечами жмет:

– По-разному. Кто-то отвечает сразу, кто-то лишь через несколько дней. Но чтобы времени не терять, я размещу информацию о Герде в своей группе. И по пабликам ближайших городов распихаю, возможно, кто-то узнает. Да и на форумах поискать стоит… Она девочка умная, обученная. Возможно, ты её сам дрессировал, а форумы в этом деле лучший помощник.

И опять остается лишь надеяться, что Саша права. Уткнутся в окно, в очередной раз ловя себя на том, что этот заснеженный парк, тянущийся вдоль дороги, совсем не похож на тот, что мелькнул в моих рваных воспоминаниях, и ни одна из прохожих женщин не дарила мне эту собаку. Чужое все – этот город, люди и сам я себе чужой.

*РКФ - российская кинологическая организация, объединяющая около пяти миллионов собаководов в России.

ГЛАВА 13

Саша

В волонтёрстве нет ничего трудного. Ладно, не спорю, есть масса подводных камней, поводов для переживаний и куча дел, которые приходится выполнять, потому что иначе спасательная операция не имеет никакого смысла. Но лично для меня пригреть озябшего четырёхлапого страдальца намного проще, чем завести в мороз бабушкину двенашку, верой и правдой отслужившую Нине Степановне Брагиной долгие четырнадцать лет. А последние три мне – внимательной и сконцентрированной на дороге, но совершенно далёкой от премудростей механизмов, запрятанных под капотом.

Снег больше не валит, ведь надумай он осыпаться на землю с хмурых небес, сегодня уже не украшенных густыми тяжёлыми облаками, массового убийства прохожих не избежать – при таком морозе он просто обязан опадать не пушистыми хлопьями, а шлёпаться на асфальт гигантскими ледяными глыбами. Ударяться оземь и рассыпаться на острые колючие осколки, немедленно вспарывающие своими рваными краями подошвы заледенелых сапог. Не мороз это уже, а что-то куда более страшное, чему ученные до сих пор не дали названия.

– Убиться решила? – Ванька.

Хмурый, злой, изрядно помятый со сна, который я наг-

лым образом прервала телефонным звонком, не справившись со взбунтовавшейся техникой. Он стоит у бабушкиного наследия, и, нырнув подбородком в кое-то веки намотанный на горло шарф, нервно отстукивает ногой по присыпанному песком скользкому тротуару. И на мои колёса таращится. А я на него. Ничуть не смущённая, ни капли не напуганная проскальзывающей в мужском голосе угрозой. Ну, лысая резина, мне несколько дней назад Незнакомец то же самое говорил, только сейчас ведь проблема не в этом.

– Заведёшь? – и сама кутаюсь в палантин, укрывший и плечи, и шею, и раскрасневшиеся от стужи щёки, да прячу улыбку, находя в угрюмой физиономии брата всё большее сходство с эскимосом: глаза узкие, немного опухшие от недосыпа, а ресницы белые-белые. Как и опушка капюшона, наброшенного на голову в напрасной попытке согреться.

– И не подумаю. Тебя на первом же повороте занесёт.

– Не занесёт, я же аккуратная…

– Аккуратная! Сань, я сам еле добрался, а на твоём драндулете дорога одна – в морг.

Отлично! Словно не сядь я за руль, меня ждёт другой исход! Либо околею, взывая к его человечности, либо паду жертвой озверевшей Танюхи, не постеснявшейся перейти на матерный русский в нашем с ней последнем разговоре…

– Ну, Вань, – потому и канючу, повиснув на локте непреклонного родственничка. – Выручай. Сегодня отстреляюсь, а завтра к тебе. И датчик заменишь, и свечи и какое-то там

реле!

– Бензонасоса, – сообщает, выныривая из плена вязаного шарфа, но к моему сожалению, соглашаться не спешит. – И не проси. Ключи давай, а сама на такси.

И почему такой упёртый? Ни сострадания, ни даже малейшего намёка на желание помочь ближнему. Лишь прямая спина и взгляд колючий, как этот кусающий щеки мороз. Словно всё детство бабушкину болтовню о милосердии он пропускал мимо ушей, что, впрочем, вполне возможно, иначе бы не стоял сейчас истуканом, а уже взялся за дело, спасая и младшую сестру, и разваливающуюся на глазах память о нашей бабуле.

– Вот убьёт меня Пермякова, ты будешь виноват. Ещё и перед родителями краснеть придётся, что бросил меня на растерзание тигрице!

А за Танькой не заржавеет – я всю неделю отлынивала от помощи в приюте, тратя всё свободное время на своего Незнакомца. То в больницу нужно, то в магазин за вещами первой необходимости, то ту же Герду излечить от последствий её затянувшегося ожидания. А после, когда на город уже спускаются сумерки, обязательная проверка почты и посвящённых собакам пабликов. Безрезультатная проверка, ведь от двенадцати питомников мы получили отрицательный ответ, а на пост о породном клеймёном стаффе пока реагируют лишь мошенники.

– С чего ей тебя убивать?

Закатываю глаза, взирая на недотёпу, уже закрывшего капот моей ласточки и всерьёз вознамерившегося укатить восвояси, и зло бросаю в широкую спину очевидные вещи:

– С того, что к восьми я обещала ей быть на Заводской. Пермякова уже неделю в одиночку обслуживает нашу ораву, – а это не так уж и просто с точки зрения энергозатрат. Тем более, когда, оттрубив смену в парикмахерской, берёшь клиенток ещё и на дом, всерьёз вознамерившись в новогоднюю ночь одарить игрушками семерых племянников. А она вознамерилась, поверьте, потому и пашет как лошадь, с трудом совмещая работу в салоне, приюте и… личную жизнь.

– Таня из-за меня три свидания отменила! У неё только жизнь начала налаживаться, ухажёр приличный выискался, а тут мы… Вера укатила в Питер к дочери, Яна и Света свалились с ротовирусом, а я, – припоминая, как он отнёсся к моему желанию спасти «бомжа», прикусываю щеку, на мгновение осекаясь. – А я с найдёнышем своим вожусь. Вот Таня и топит одна. Вань, ну, правда же, прибьёт, ты её знаешь.

Застыл брат. Не оборачивается, но ни водительскую дверь открывать не спешит, ни прятаться дальше от стихии в широком вороте серого пуховика – словно и не ощущает порывов ветра. Руку устроил на крыше автомобиля и о чём-то раздумывает, пока я держу в карманах скрещенные наудачу пальчики.

– Вань, ну пожалей меня. Устала за эти дни, сил нет. Ещё и подругу загрузила… Пошамань, а? Тебе ведь раз плюнуть!

Лучший в городе автомеханик и не пытайтесь переубедить – иной раз моей старушке одного его взгляда достаточно, чтобы вновь знакомо зарычать. Да и не только моей: попасть в его автосервис желающих много, ведь по большому счёту Ваньке чихать кого реанимировать – отечественную жестянку или нашпигованного электроникой иностранца. Потому и процветает: пока я ломаю голову, как удержать своё дело на плаву, его бизнес медленно, но верно идёт в гору. К весне ещё один бокс откроет.

– Нет, – а мне помогать не станет. – Садись давай, отвезу тебя к твоей Пермяковой. И на этом всё. Ключи отдашь, я двенашку в обед в гараж загоню. И пока не приведу в порядок, ходи пешочком.

Чёрт, и разубеждать смысла нет. Как и пытаться завести разговор, который не клеится сразу, едва я открываю рот.

– Не гунди ладно? Башка трещит.

Приплыли. Сижу, обиженно покусывая нижнюю губу и все двадцать минут, что мы добираемся до барака, проклинаю саму себя уже за то, что первой пошла на мировую. Разругались же вроде! Как ушёл в тот памятный вечер, когда в моей двушке поселился двухметровый великан, так и молчал. Ни сообщений, хотя бы с одним лишь вопросом «живая?», ни телефонных звонков, направленных лишь на то, чтобы меня вразумить.

Впрочем, мы оба с ним по части молчания мастера. Не впервой же ссориться. Три года назад, за несколько месяцев

до бабушкиного ухода мы так разругались, что потом целый год демонстративно отворачивались, столкнувшись в дверях родительской квартиры. Даже на похоронах ни словом не обмолвились. Словно и не родня вовсе. Он на празднование Нового года не явился, я сослалась на важные дела и пропустила мамин день рождения. Потом, конечно, мучилась, ведь из-за нашей войны не должны страдать родители, но смотреть в наглое самодовольное лицо Вани Брагина было выше моих сил. А я была уверена, что оно наглое, ведь рассказывать о его запое мне тогда никто не спешил. Или я слушать не хотела?

Подругу жалела. Помогала ей паковать свадебную атрибутику, лично затолкала расшитое бисером белоснежное платье в коробку от старого пылесоса, ревела за нас двоих, ведь Танька свои слёзы упорно держала внутри. И до сих пор держит, знаю. И роман их вспоминает, и счастливую подготовку к торжеству, и категоричное Ванькино нет за несколько минут до начала официальной части. Оттого и морщит лоб всякий раз, стоит мне упомянуть в разговоре имя предавшего её мужчины.

И сейчас наверняка хмурится, ведь стоит Ване затормозить перед накренившимися воротами, до этого вовсю размахивающая лопатой Пермякова застывает, напрасно силясь рассмотреть нас сквозь тонированное окно. Нужно было такси брать…

– Я свободен? – и брат смотрит, только в отличие от сжав-

шейся на ветру девушки, видит всё: и её раскрасневшиеся щёки, и глубокую складку, полосующую лоб, и поджатые губы, побелевшие от того, с каким усердием Таня впилась в них зубами.

– Катись. Раз уж машину чинить не стал, просить порубить дрова даже пытаться не буду.

Откажет. Потому что в последние годы это уже традиция: встречи с несостоявшейся супругой у него сведены к минимуму. Разве что в родительском доме терпит – мама в Пермяковой души не чает, потому на все семейные праздники зовёт.

– И правильно. Ухажёр вон пусть рубит. Или этот твой… Зря, что ли, ему мою куртку отдала?

И как прознал? Краснею, ведь в воровстве меня уличают впервые, и за ручку хватаюсь, предусмотрительно вложив в ладонь брата ключи от машины. А он лишь ухмыляется:

– Дурёха. Могла бы и попросить.

– А ты бы дал?

Вот и я о том, ведь брат лишь неопределённо ведёт плечом.

– Саш! – кричит, когда я достигаю калитки, и, словно не замечая, что на звук его голоса не только я спешно оборачиваюсь, интересуется:

– Завтра-то ждать? Тридцать как-никак! Юбилей!

– Обязательно. Если машину успеешь починить.

А то до родительской дачи путь не ближний.

– Мишку попрошу, он подбросит, – роняет небрежно и закрывает окно. А я вздыхаю. И Таня тоже. Вроде бы каждая о своём, а если задуматься об одном и том же…

К такой скорой встречи с Васнецовым я ещё не готова.

Незнакомец

Похоже, я здесь осел. На четвёртые сутки мучительного ожидания хоть каких-то известий, спустя восемь дней моей затянувшейся ночёвки на Сашином диване, я с удивлением ловлю себя на мысли, что если о прошлой жизни мне ничего не известно, к этой, новой, ограниченной стенами чужого жилища, я начинаю привыкать. Знаю, как начнётся утро – с каши, трёх бутербродов с пошехонским сыром и чашки кофе без сахара; знаю, как пройдёт день – перед компьютером, который мне всё чаще хочется разломать; знаю, как встречу вечер – за Сашиными рассказами о пролетевших в заботах сутках; знаю, как проведу ночь – не смыкая глаз. Усну, как обычно, ближе к рассвету, а встану под женское ворчанье, ведь кофе, как обычно, убежит. Всегда убегает, как и время, что пора бы перестать отсчитывать, а я из упёртости продолжаю…

Это стабильность, как ни крути. Пресная и отравленная тягостным ожиданием, но в моём случае ей можно только порадоваться. Когда за спиной чернота, густая и вязкая без единого луча света, стабильность на вес золота. Но даже она имеет свойство давать брешь.

– Сегодня ночью не жди. Заночую на даче, а утром сра-

зу на работу, – Саша взбивает ладонями тяжёлые кудри рассыпавшихся по плечам волос и, на мгновение зацепившись взглядом за растянувшегося на полу Мартина, хитро щурит глаза. – Будет слишком нагло с моей стороны взвалить на тебя заботу о моих монстрах?

Спрашивает ещё? С нами возится, как с родными, а попросить что-то взамен стесняется: опускает в пол густо, но в то же время совсем не вульгарно подкрашенные ресницы, и закусывает губу, стирая с неё зубами прозрачный блеск.

– Справлюсь. Лотки помою, ужином накормлю, без завтрака не оставлю. Только уши Маркизе чистить не буду, боюсь травмировать.

У меня же опыта никакого и лапища как у медведя – либо шею сверну, переусердствовав в борьбе с непокорным животным, либо так глубоко запихаю марлевый тампон, что он через другое ухо выйдет.

– Не беда, ушного клеща я почти победила. Главное, чтобы с голоду не умерли. И ты поешь, я тебе мяса с кафе принесла. А завтра обещаю шашлык. Ты такого никогда не пробовал – по папиному рецепту. В общем, не скучайте, обои не рвите, – с укоризной в медовом взгляде обращается к Зефирке, – и про лекарства не забывай, – а это уже ко мне.

И если с едой и таблетками ничего трудного, не скучать будет сложно. Да и не только мне, потому провожаем мы девушку огромной компанией: я привалившийся к косяку, Герда, усевшаяся у меня в ногах, и четыре представителя

семейства кошачьих, считающие своим долгом по очереди обтереться о её длинные замшевые сапоги. А стоит хозяйке скрыться за дверью и про меня вспоминают, удивлённо вылупив жёлтые глазища.

– Что? Отдохнуть пошла. Замучили мы её, – Зефирку на руки, а остальные пусть сами по своим местам расходятся.

Тошно уже. Как узник. Спасают лишь прогулки с Гердой, так что пустая копилка воспоминаний медленно, но верно, пополняется. К тем, где парк небольшой, а скамейки яркие, как радуга после слегка накрапывающего дождя, добавляются утренние пробежки по Сашиному району. Пёс впереди, а я, заметно отставая, плетусь сзади – восстанавливаюсь не так быстро, как мне бы того хотелось.

Сажусь перед ноутбуком, вновь раздираемый желанием разбить его о свою голову, и целый час раз за разом перечитываю тонны пустых отписок под Сашиным постом. «Бедняжка!», «Как же она настрадалась!», «Прибить бы таких хозяев или самих на мороз!» и не одного стоящего. Даже намёка, на то, что нас хоть кто-нибудь знает!

Может, и вправду затворники? Хотя Герда на одинокого волка непохожа: и с кошками ладит, и с Сашей, и даже с тем самым лабрадором, выгуливающим по вечерам бдительного пенсионера. Антона Петровича, математика, сорок лет проработавшего в местном лицее. И нет, в этом лицее я не учился, у Петровича память фотографическая.

– Чёрт, перекурить пора, – а то мозг кипит.

Встаю, отряхивая со спортивок белую шерсть и ставшим уже привычным маршрутом плетусь в подъезд – кухня, сигареты на холодильнике, в прихожей достать новую упаковку спичек из ящика, накинуть куртку, ведь в подъезде немудрено околеть, и запихать ноги в ботинки. А коснувшись ручки начисто позабыть о желании организма получить очередную порцию отравы, ведь в дверь кто-то настойчиво ломиться. Выжимает кнопку звонка, а пока я решаю, имею ли права светится перед Сашиными гостями, ещё и рычит мужским басом:

– У тебя свет на кухне горит. Открывай, Саш.

Глава 14

Саша

Так повелось ещё со времён Ванькиного студенчества – его дни рождения мы празднуем только здесь. На участке в десять соток, приобретённом отцом, наверное, лет пятнадцать назад. За копейки, которые всё равно пришлось собирать «всем миром»: какую-то часть умыкнули из средств, отложенных на долгожданный отпуск, какую-то внесла бабушка, а недостающие переслал дед по маминой линии, в ту пору закрутивший роман с горячей южанкой и осевший на берегу Чёрного моря. Сейчас и не верится, что когда-то ни этого двухэтажного дома, ни бани, ни укрытых снежным покрывалом грядок, ни двух теплиц, где мама всё лето выращивает огурцы, и в помине не было. Заросшая бурьяном земля и опасливо накренившаяся сарайка – вот и весь повод для брошенного к родне клича о помощи.

Выбираюсь из такси, заказанного по наитию, чтобы свести к нулю необходимость травиться Васнецовским парфюмом, и нервно передёргиваю плечами, только сейчас осознав, что всю дорогу до дачи и не дышала вовсе. О встрече думала – о том, как увижу Мишу, кивну вместо приветствия, словно чужой мне совсем, а потом до конца вечера буду заламывать пальцы, надеясь словить на себе его взгляд.

Да глупо, я знаю, но сердцу вроде как не прикажешь. Я

вчера пробовала: и когда с Танькой сгребала в кучу «следы» прогулок наших подопечных; и когда дважды писала брату, умоляя поторопиться с ремонтом моей машины, и вечером, когда сидела напротив своего Незнакомца, без энтузиазма поглощая нажаренную им картошку. Вкусную, к слову, но запуганно постукивающее в груди сердце не слушалось, и аппетит так и не приходил.

– Чего одна-то? Ванюша сказал, тебя Миша привезёт! – мама в наспех наброшенной шубе семенит к калитке, перехватывает один из привезённых мною пакетов, и лучезарно улыбнувшись, кивает в сторону бани. – Топят вовсю. Отец сам хотел, а именинник упёрся рогом, говорит шашлык из гостей сегодня готовить не планирует. Саш, майонез не забыла?

– Забудешь с вами, ты мне трижды напомнила. И огурцы, и торт, – демонстрирую огромную картонную коробку с эмблемой своего кафе, – всё при мне.

Кроме Тото, который особенно любил такие вот выезды, но никто его отсутствия не замечает. Взвинченные, уж это миниатюрная женщина, точно:

– Вот и славно, а то волнуюсь сегодня с самого утра. Прямо сама не своя!

– Чего волноваться, мам? Всё как обычно: попарятся, перепьют, сметут всё со столов и разъедутся.

Сценарий же тоже один. Он, как и место празднества, с течением времени остаётся неизменным.

– А мне всё равно боязно, сны такие дурацкие снились… Жаль, перенести нельзя, – Людмила Брагина толкает бедром входную дверь, пропуская внутрь меня и морозный воздух, и лихо сбросив с ног валенки, пихает обтянутые вязаными носками ступни в стоптанные тапки. – Картошку почистить поможешь? Раз приехала так рано. А я рыбу из духовки достану и хоть бигуди с головы сниму. Как кикимора, ей-богу! Вот почему я не люблю эти домашние посиделки, суетись тут у плиты целый день.

А мне нравится. И небольшая комната, в которой сейчас прямо по центру красуются совмещённые между собой столы, и оленьи рога, прибитые над дверью, и нелепая растяжка «с юбилеем!», украсившая старые занавески. Как нравятся эти потрёпанные покрывала с изображениями прогуливающихся по лесу лосей, устилающие продавленный диван. Ни шика, ни блеска, а всё равно лучше, чем в ресторане. Пусть там и не заставляют чистить картошку, отваривать её в огромной кастрюле, а потом долго, проклиная всё – от завитых распущенных волос, до постоянно сползающих вниз закатанных рукавов платья – мять, давая маме возможность навести марафет.

Я вроде как повар, привыкшая, так что готовки не боюсь.

Боюсь скрипа шин подъезжающих автомобилей, и звука мужских голосов, перемежённых с женской трелью. Потому что неминуемо это – минутой раньше, минутой позже, но Васнецов явится. Хлопнет дверью, потопчется на пороге,

сбрасывая с подошвы налипший снег, и прямо так, не входя, бросит:

– Сбежала? – с осуждением, словно слиняла я как минимум из загса, повторив подвиг своего непутёвого брата. – На звонки не отвечаешь, я тебя двадцать минут прождал.

Чёрт, зря Ванька, вообще, к нему обратился! И я зря не стала писать смс. Глядишь, может, и повода для разговора не возникло бы? А так не отвертишься.

Водружаю салатник (огромный пластиковый таз с винегретом) в центр стола и набравшись смелости неторопливо выпрямляюсь, попутно разглаживая на бёдрах и без того идеально сидящий наряд. Трясёт меня, нервы, наверное... Или его взгляд виноват, что провожает движение моих взмокших от волнения ладошек, жадно скользит по наглухо прикрытой груди и останавливается на губах, произносящих единственное, что способна в такой ситуации родить моя голова:

– Так вышло, – чем не ответ?

Не признаваться же, что я намеренно выключила звук, запрятав смартфон на самое дно дамской сумки? И что такси вызвала лишь с третьего раза, едва не поддавшись желанию ещё разок испытать свою душу на прочность: разобьётся вдребезги или выдержит тридцать минут пути в обществе с человеком, которого хочется коснуться больше всего на свете? Хочется, а нельзя. Потому что тогда себя предам, а я по натуре своей не предатель.

– Вышло... Детский сад, – а он грубиян.

И если к его резкости я за эти полгода привыкла, к красоте до сих пор иммунитет не выработался. Пальцы слабеют, позвякивая раскладываемыми у тарелок приборами, уши закладывает, а коленки дрожат, как и голос, внезапно осипший и тихий:

– Уж какая есть. Тебе-то что? Нянчится со мной не прошу.

Скорее, наоборот, готова умолять об обратном. Потому что и душа туда же – испытание на прочность не проходит, плача где-то в груди, под мягким серым трикотажем, от собственного бессилия. А стоит ему заговорить, рыдает уже навзрыд:

– Ещё бы, нянькой ты уже обзавелась, – тихо, чтобы притихшая на втором этаже мама не слышала. – Быстро, однако, Сань.

Не дышу, позабыв и про ложки, и про не накрытую крышкой кастрюлю с пюре, остывающую на плите, пока я таращусь на Васнецова, и мысли в кучу собрать не могу. А он и не ждёт вовсе, уже стягивая с вешалки старую папину куртку. Так и уйдёт?

– Ты о чём?

– Об этом твоём… – застывает, полоснув меня странно загоревшимся взглядом, и до скрипа поцарапанной кожи под пальцами, сжимает ворот чужой дублёнки. – О разрисованном. С ним-то, наверно, серьёзно, Да?

Вот дела… Неужели…

– Ты что, ко мне поднимался? – спрашиваю, наверняка белая как полотно, а ему и отвечать не нужно. Его ответ в воздухе витает. Мечется по этой вдруг ставшей тесной гостиной и рикошетом от его прямой спины пронзает меня насквозь… Видел. Незнакомца моего, такого домашнего, с почти зажившими синяками. В трениках с оттянутыми коленками. С Зефиркой на руках – он к ней особенно неравнодушен.

Сажусь, даже не взглянув на закрывшуюся за мужчиной дверь, и ещё минут двадцать, когда по комнате вовсю мельтешат довольные гости, успокоиться не могу. Лишь натянуто улыбаюсь, не вступая в разговоры, и на автомате наполняю чужие тарелки. А следующий несколько часов и вовсе не вижу никого. Только Мишу, усевшегося рядом с Ванькой и одну за одной подносящего к губам рюмку.

Ревнует? Ведь сходится всё: и злость в голосе, и обида во взгляде, и эта неуёмная тяга к отцовской наливке… Словно невзначай, поглядывает на меня исподлобья и желваками играет… До тех самых пор, пока виновник торжества не встаёт, и немного покачиваясь, не добирается до меня, прогнав прочь одного из своих друганов.

– Сань, ты-то меня поздравлять будешь? Сидишь, как воды в рот набрала.

И вправду. Подарок приобнявшему меня брату до сих пор не вручила, бокал за его здоровье так и не подняла. Теперь

исправляться нужно, а то, не дай бог, заподозрит, что его младшая сестра по уши влюблённая дура:

– Буду, – беру себя в руки, разглядывая здоровяка, изрядно попортившего моё детство, и впервые за вечер искренне улыбнувшись, прижимаюсь к его крепкой груди.

Теперь хорошо: запах родной, смешавшийся с ароматом костра, надёжные руки, поглаживающие меня по лопаткам, и смех, щекочущий ухо, в ответ на чью-то удачную шутку. Трезвый Ваня кремень, а как выпьет, словно цепи с себя сбрасывает, позволяя и обнимать вот так, до хруста костей, и любоваться его открытой улыбкой.

– Ну, так начинай. Торжественную речь можешь пропустить, давай сразу к делу.

Как маленький, ей-богу! Довольно потирает ладони, когда, протиснувшись между гостей, я отыскиваю среди чужих пакетов, припрятанный подарок, и нетерпеливо разрывает бумагу, бросая её прямо в тарелку с недоеденным мной шашлыком:

– Да ладно? Дорогой же, Сань!

Шесть тысяч, для меня деньги немалые, а для Ваньки вроде как ерунда. Но ему ли не знать, что я бьюсь, как рыба об лёд, с трудом рассчитываясь с подчинёнными?

– Так и ты дорогой. А прибамбасов для машины у тебя так много, что кроме этой зарядки для аккумулятора ничего в голову не пришло. Отзывы о ней положительные, даже телефон заряжать можно.

Болтаю зачем-то, пока он восхищённо разглядывает портативное устройство, и не удержавшись шепчу:

– Танька просила тебя поздравить.

Ну как просила? Бросила невзначай: «Мои ему поздравления», и с ещё большим усердием принялась намывать собачьи миски. Но передать же нужно было, так?

Навряд ли, ведь брат стирает с лица улыбку, убирает в чехол навороченную вещицу, и приговаривает рюмку, ни разу не поморщившись. А после похлопывает себя по карманам, видимо, в поисках сигарет. А ведь не курил раньше… Выпить мог, а курильщиков призирал, спортсмен как-никак!

– Пойду, наверное, торт подготовлю? – и сама смущённая тем, что испортила ему настроение, приподнимаюсь с дивана, а он следом встаёт. Отворачивается, пряча за ухо приговорённую к смерти папиросу, и словно надеясь, что я не услышу, интересуется. Шёпотом, в котором каждое слово криком о чём-то кричит:

– Что за ухажер-то?

– Ветеринар, – сглатываю, по-новому взглянув на помрачневшего юбиляра, и прежде чем ляпну что-нибудь глупое, к кухне рвусь. Через тесно рассаженных гостей, мимо словившего мою руку папы, приложившегося к ладошке тёплым отеческим поцелуем, мимо мамы, слегка повеселевшей от весь вечер дегустируемого ей шампанского. Мимо Миши – опьяневшего и теперь открыто глядящего мне вслед. Недолго, ведь стоит Ване выйти во двор, Васнецов вызывается мне

помочь.

Прикрывает дверь в кухню, подходит к столу, мутным взором скользнув по коробке, и уже тянется к синей ленточке, ловко распуская огромный бант:

– Красиво, – одно слово. Похвала, которая адресована даже не мне, а щёки предательски заливает жаром.

Сенька расстаралась. И боксёрские перчатки из мастики вылепила, и коржи у неё – один в один автомобильные покрышки, намеренно небрежно брошенные друг на друга. Даже надпись есть, примитивная «С юбилеем, Иван!», зато аккуратная, выполненная уверенной твёрдой рукой.

Трясу головой, стараясь прогнать охватившее тело оцепенение, и, отодвинув плечом непонятно зачем бросившегося на подмогу мужчину, принимаюсь за дело. Оно нехитрое – открыть упаковку, достать свечи, и по одной расставить их в центре торта – а движется медленно, словно намеренно время тяну. А может, и впрямь тяну? До сих пор надеясь на что-то, чему точно никогда не случится. Не здесь, когда за дверью с десяток захмелевших гостей; не с ним, ведь эту страницу я перевернула.

– Поговорить же можем? – а он, кажется, нет.

Подходит вплотную, прижимается к моей напрягшейся спине и опускает горячие ладони на талию, одновременно с этим зарываясь носом в мои распущенные локоны.

– Не передумала?

Вместо прости, я всё понял, давай по-взрослому: с сов-

местным бытом, мелкими ссорами из-за грязной посуды в раковине или его неспособности понять, почему я до сих пор не прогнала этих шипящих безумных кошек. Лишь странная ласка загоревшейся под трикотажем кожи и опаляющее мочку уха дыхание, тут же сменённое тягучим поцелуем в шею.

– Я скучаю, Саш… Давай ко мне, раз свою квартиру ты превратила в ночлежку для бездомных?

– К тебе? – хриплю, не пытаясь вырваться из его рук, но упорно продолжаю прокалывать бисквит цветными свечами, в такой ситуации уж слишком хаотично разбредающимися по обмазанной кремом поверхности. – А дальше что?

– Не знаю, жизнь покажет… Утром решим, я сегодня вообще ничего не соображаю. Поехали, а? Скажу Ваньке, что перебрал, а ты, – жадно вдыхает аромат моих духов, тут же пробуя их на вкус, и уже на выдохе шепчет:

– Что-нибудь придумаешь. У тебя вся жизнь на бегу, никто не заподозрит.

Вот тут он прав… Уж последние месяцев шесть точно: бегу сломя голову от самой себя, наивно полагая, что засевший в моих мыслях мужчина согреет. А он и не думает даже, лишь изредка балуя теплом, потеряв которое, холод одиночества ощущается лишь острое. Как сейчас, когда тело молит не отталкивать, а в разум постепенно проникает смысл слетевших с горячих губ слов… Не изменится он, не для меня…

– Нет, – разворачиваюсь, тут же отталкивая Васнецова ле-

дяной ладошкой, и, с вызовом глянув в горящие желанием глаза, отсекаю себе любые пути к возвращению. – Ни сегодня, ни завтра, ни в воскресенье.

Хватит уже. Теперь уж точно, когда я восемь дней заставляла себя вставать с кровати, настырно лелея в душе надежду, что и ему плохо. Без меня, без моей болтовни, без совместной встречи рассветов, которых и не было никогда. А теперь вижу, что зря. Только похоть была, что и сейчас заставляет мужчину тянуться к моим губам, рассчитывая, что поцелуем ещё можно что-то исправить. Напрасно:

– Нет!

Я волонтёр. И хотя бы раз в жизни спасти себя просто обязана. Пусть Васнецов и вставляет палки в колёса, цепляясь пальцами за край стола. Господи, как в клетке… Прижал меня к накрытой протёртой клеёнкой столешнице и дышать не даёт.

– Почему? Я же вижу, как ты на меня смотришь… Всегда, Сань, даже когда Карина рядом была.

– А она и сейчас здесь,– отклоняюсь назад, отодвигая подальше именинный пирог, в который вот-вот угожу волосами, и отворачиваюсь к окну, не желая и дальше тонуть. – Так что забудь. Будто и не было ничего.

Да и что было-то? Для этого человека лишь приключение…

– Спишь, значит? – нетрезвого человека, опасно оскалившегося, едва мои слова достигли захмелевшего мозга. – С

квартирантом своим спишь?

Я губу закусываю, не считая нужным оправдываться, а он хватает меня за подбородок, насильно заставляя повернуться, чтобы теперь зло сощуриться, что-то отчаянно выискивая в моём побледневшем лице.

– То-то он, как хозяин, даже на порог не пустил… И давно?

– А какая разница? – теперь и сама завожусь, наплевав на боль, подаренную его безжалостными пальцами, и спустя долгую, нескончаемую минуту его молчания шиплю, схватив за стальное запястье. – Пусти, иначе Ваньке всё расскажу.

Скорее пугаю, надеясь, что хотя бы это его отрезвит, а он лишь ехидно прыскает:

– Что расскажешь? Что со школы сохла по мне, а как только дождалась моего развода, в койку затащила? Так валяй, – он смеётся каким-то безумным жестоким смехом, а я собственным ушам не верю. – Только про разрисованного сказать не забудь, чтоб зря не винили меня за твоё растление. Хорошая девочка Саша Брагина…

Больно. И от того, как держит меня, грубо очерчивая большим пальцем нижнюю губу, и от того, как смотрит, словно и впрямь поверил, что я такая… И от звенящей в ушах насмешки, на которую трезвым Миша бы никогда не решился, больно вдвойне:

– Поехали, больше предлагать не буду. Хватит корчить из себя недотрогу. Оба же знаем, что брату ты ничего не расскажешь…

И вздрагиваем тоже вместе, застыв от грозного Ванькиного:

– И не надо уже.

ГЛАВА 15

Саша

Знала бы Сенька, какая судьба уготована этому торту, ни за что бы не стала так тщательно раскатывать мастику, выравнивать края, кутая круглый бисквит в серое сладкое «одеяло», украшать пирамиду красными перчатками, которые никак не хотели походить на боксёрские, лишь спустя час подчинившись настойчивым пальцам кондитера. Упал. Просто слетел со стола и разбился об пол, забрызгав мамин любимый коврик взбитыми сливками. И сердце моё разбилось, но его не так жалко – всё равно никакого проку от этого вечно барахлящего в присутствии Васнецова органа не было. Одни проблемы…

Пока перепуганная не на шутку хозяйка мечется по кухне в поисках аптечки, я руками сгребаю в кучу ошмётки именинного пирога, отправляя непригодное для потребления лакомство в урну. Ни к голосам, навязчиво жужжащим над ухом, не прислушиваюсь, ни к отборному мату отца, только что обнаружившего, что во время схватки четыре пузыря брусничной настойки расколотили к чертям. Не заметили, как и Сенькин шедевр, как и мамин любимый хрусталь, специально привезённый на дачу в честь такого важного торжества. Тридцать лет Ваньке, а одни потери: и праздник испорчен, и свечи не задуть, и друг… Нет его этого друга, Ваня

только что его из своей жизни вычеркнул. А сейчас и за меня примется.

Вон уже нервно одёргивает порванную на плече рубашку и, шмыгнув носом, в отличие от Мишиного, целым и всё таким же прямым, опускается на корточки рядом со мной, чтобы какое-то время просто помолчать. Остыть, возможно, или обличить клокочущий в нём гнев в членораздельную речь. Он силится взять себя в руки, а я боюсь пошевелиться, спугнув нечаянным движением медленно, слишком медленно, накатывающее на брата успокоение.

– Пила? – спустя минуту он отодвигает ведро, глядя в мои перепуганные глаза, а когда в ответ я лишь качаю головой, пихает в измазанную кремом ладошку брелок от своего внедорожника. Зачем? Стоит спросить, но дикий страх отнял последние силы…

– Руки мой и домой. Иначе лишнего наговорю – злой, как чёрт.

Оно и видно. Минут десять прошло, как сцепившихся в ожесточённой схватке друзей разняли, а крепкая грудь Вани Брагина до сих пор часто вздымается. И желваки… Кажется, так крепко стиснул зубы стиснул, что, чего доброго, раскрошатся…

Так что уйти будет правильно. Не объясняться с ним, с папой, украдкой поглядывающим на меня, с гостями, сгораемыми от любопытства, какая же кошка пробежала между ребятами. Им ведь невдомёк, что это не кошка вовсе, а серая

мышь, с чего-то решившая, что имеет право ставить на кон чужую дружбу ради собственного счастья.

– Езжай, Сань. От греха подальше езжай. А если на моей машине не хочешь, такси возьми. Я не сдам, а мать с тебя живой не слезет, пока всю правду не вытянет.

Брат выпрямляется на ногах, подхватывая меня под локоток и, пихнув в руки вафельное полотенце, настойчиво подталкивает к выходу. А я и не сопротивляюсь вовсе, ведь прав. Только у порога буксую и, не удержавшись, всё-таки оборачиваюсь к Васнецову, прямо сейчас окружённому троицей хлопочущих над его побитым лицом девиц:

– А он? – шепчу, вцепившись в вафельную ткань, и с трудом выдерживаю тяжёлый взор родных глаз.

– Ничего с твоим Мишей не случится.

Глупый, словно я из-за него волнуюсь! Из-за Миши… С ним мне уже всё понятно – несбыточный, скорее выдуманный мной и совсем незнакомый Васнецов сейчас даже сочувствия не вызывает. А вот Ванька да. Пусть и большой, высокий настолько, что мне приходится вскидывать голову, чтобы вглядеться в изуродованные злостью черты, а в душе ранимый. Обычный, совсем не каменный, пусть на первый взгляд и не кажется таковым, но я-то знаю!

Он в детстве был тощий и длинный, как каланча. Впалые щёки, торчащие уши, худые спички, гордо именуемые ногами, и тонкие плети вместо рук. Лет до пятнадцати даже шорты не носил, до того стеснялся. А чего стеснялся, если дев-

чонки всё равно головы теряли, непонятно. Балагур же, душа компании. Находил общий язык даже с теми, с кем и поговорить то не о чем, но другом называл не каждого. Илюху Пронина из четвёртого подъезда, да, пожалуй, Мишу, с которым сдружился на втором курсе института. А в последние годы особенно, когда Пронин перебрался в Москву, а сам Ванька наломал дров, которые без дружеского плеча в кучу не сгребёшь. Так что в годы, когда брат и улыбаться стал реже, а привычный образ заводилы примерял на себя лишь прогнав мрак из собственной души парой рюмок креплённого, Васнецов был рядом.

Может эта настойка их и сблизила? Ведь ни один, ни второй пить в одиночестве не любили, а поводы хорошенько надраться нет-нет да подворачивались: несостоявшаяся Ванина свадьба, мелкие неурядицы в развитие бизнеса, Мишин развод, изрядно опустошивший папины запасы. Не знаю, но если и так, то сомневаться в том, что я только что положила конец их многолетнему общению не приходится…

– Карина его заберёт, она как раз должна подъехать.

Вот так. Ещё одна отрезвляющая пощёчина, отвешенная мне вселенной. Закусываю губу, послушно кивнув, и, бросив грязное полотенце на праздничный стол, сама отыскиваю свой пуховик среди груды чужой одежды.

Испортила всё. Вечер, который обещал быть наполненным шутками и поздравления, стал худшим в истории семьи Брагиных. Из-за меня. Из-за дурацкой надежды, что обойти

неписаный закон жизни всё же удастся. Только как? Неспроста же твердят: всё тайное становится явным. В нашем случае правда рвётся наружу внезапно, как грязью, заляпав семью своей неприглядностью.

– Прости, – и даже извинения ничего не спасут.

Ведь идём в тишине. До ворот шагов десять-пятнадцать не больше, а эти секунды, наполненные скрипом снега под нашими сапогами, треском углей в брошенном всеми мангале и тяжёлым дыханием Вани – самая длинная дистанция, когда-либо мной преодолеваемая. Слабость накатывает, огромными волнами, захлёстывая с головой.

– Сань, – уже у машины (огромного белого монстра, за руль которого брат никого не пускал) ещё и чужая боль пришибает меня по макушке. – Что ж ты натворила?

Не спрашивай. Никто не спрашивайте, ведь мой ответ никому не придётся по вкусу. Признаюсь, что всё до смешного просто – влюбилась я, ещё тогда, восемнадцатилетней девчонкой – и Ванька брезгливо сморщится. Как сейчас, когда удерживает водительскую дверь, пропуская меня в салон, и, мазнув взором по окнам первого этажа, резюмирует:

– Дурочка. У него таких, как ты, на каждый день недели. Езжай, завтра поговорим.

И я еду. Нарушая правила, наплевав на собственную безопасность, неуклюже вписываясь в повороты. Еду, пытаясь убежать как можно дальше от дачи и засевшего в голове Ванькиного:

– Повтори! Мне в глаза повтори всё, что только что ей сказал!

Теперь и не боль это вовсе. Если и боль, то уже физическая, скручивающая тело, отдающая в висках, саднящая кожу солью прорвавшихся наружу рыданий. Боль, истоки которой даже не нужно искать, а просто принять как данность, не тратя последние силы на мольбы уйти. Не уйдет уже, не теперь, когда мир разделился на до и после. На кадры, которые на зависть моему Незнакомцу, словно выжигаются на подкорке, крича, что из головы уже никуда не денутся: вот я, прижатая Васнецовым к столу, краснею от плюнутых мне в лицо обвинений, вот Ваня, в два шага настигший опешившего любовника, хватает его за грудки и, тряхнув, как тряпичную куклу, ревёт:

– Ты что наделал, Миш? Это ж Санька моя… Я же тебя убью теперь. Богом клянусь, пришибу!

Не пришиб. Физически нет, но ни у кого не осталось сомнений, что для именинника Михаил Васнецов сегодня умер. Не умеет Ванька прощать. Не умеет и точка.

И меня не простит: за глупость, за эту наивность, от которой к двадцати пяти не мешало бы и избавиться, за пересуды, которых не избежать, ведь свидетелей их возни было немало. Всхлипываю, треснув по рулю ладошкой, и, наконец, затормозив у подъезда, прячу лицо в шарфе, до того колючем, что даже истерика на задний план отступает. А вместе с этим осеняет другая мысль: или простит? Если уже не

простил, оправдав меня тем, что я младшая. Вечный ребёнок для папы, для матери, которая завтра наверняка устроит мне допрос с пристрастием, и для него – тощего в детстве, и огромного, уверенного в своих силах сейчас. Старшего брата, который и ключи-то дал, лишь для того, чтобы уберечь меня от собственной злости.

– Ладно, всё завтра, – шумно выдыхаю воздух, через сложенные трубочкой губы и, наспех утерев слёзы всё тем же колючим шарфом, ступаю на снег. Домой хочу. Под одеяло. К кошкам. Да даже к Герде… Заберусь в постель, а там хоть до утра реви, проклиная прилипшее ко мне одиночество.

Незнакомец

Обычная сегодня ночь, тихая. Настолько беззвучная, что распахни я сейчас окно, протяни руку в морозную пустоту, и без труда расслышу шуршание кружащегося в воздухе снега. Эту неведомую миру музыку, под которую он парит, исполняя незамысловатый предсмертный танец, и под неё же гибнет, мгновенно растаяв на горячей ладони.

Тоскливо. Безрадостно. И, чёрт возьми, одиноко. Мне одиноко в чужой квартире, из которой с уходом Саши выветрилась надежда, вера и… аромат малиновых духов. Если б не гадившие по очереди кошки, за которыми я клятвенно обещал присматривать, сказал бы что и жизнь ушла. Из меня так точно – я либо лежу, рассматривая стены, либо дымлю на кухне, которую к утру придётся долго и упорно проветривать.

Сдулся. Как-то так, разом. Словно вдруг осенило, что эти восемь дней ушли в никуда – ни результата, ни просвета в мозгах, ни каких перспектив… А поводом к прозрению – взбесившее «Ты кто?!» брошенное мне на пороге кем-то из Сашиных друзей. Да тупая пульсирующая боль в затылке, как реакция на осознание, что мне и ответить-то нечего. Этому вот в приличных джинсах, хорошем добротном пуховике, вертящему в руках брелок с логотипом известной автомобильной марки.

А действительно, кто? Человек? Звучит по-дурацки для такого здорового лба, как я.

– А ты? – потому и пошёл в наступление, недвусмысленно загородив проход своими широкими плечами. Просто упёрся локтями в косяки, нависая над неизвестным визитёром, и терпеливо сносил его изучающий взгляд: от кистей до плеч, от плеч к лицу…

Лучше бы брат её нарисовался. С ним хотя бы понятно всё, а этот так странно блеснул глазами, развернувшись на пятках и устремившись по лестнице вниз, что я всерьёз начинаю раздумывать – не подложил ли я Саше свинью своей неразговорчивостью? Вдруг у них там любовь?

Впрочем, какая любовь, если за эти дни я видел его впервые, а он обо мне и не слыхивал даже? Верчусь на диване, никак не находя удобную позу, и нет-нет, да на часы кошусь – начало первого. Соседи сверху притихли, убавили, наконец, телевизор и прекратили одним им понятные хождения

по скрипучему полу. Уличные псы и те не воют, так почему не сплю?

Наверно, всё просто: я этого ждал – внезапного щелчка провернувшегося ключа в замке и громоподобного лая Герды. Вернулась! Сажусь, протягивая руку к креслу, чтобы натянуть спортивки, да не спускаю глаз с тонкой полоски света, льющейся из-под двери. Можно подумать моргни я, и она тут же исчезнет.

– Саша? Ты же до обеда должна была… – она вздрагивает, резко разворачиваясь на звук моего удивлённого голоса, а я теряюсь от одного вида её зарёванного лица.

Ну, твою мать! Значит, и впрямь поднагадил! Да так сильно, что и кандидатом наук быть не нужно, чтобы понять, что Саша с трудом держится на ногах вовсе не от алкоголя, в моём представлении льющегося рекой на шумных семейных праздниках. Истерика её вымотала, всё просто.

– Саш, нормально всё?

– Отлично, – девушка всё-таки вешает пуховик, расправляя на бёдрах заляпанное чем-то платье, и в противовес собственным словам шмыгает носом. Разок, другой, после чего косится на дверь кухни, видимо принюхиваясь, и с тяжёлым вздохом переводит взгляд на меня. Попался.

– Курил, – а чего отпираться? Часто и долго, совершенно уверенный, что пока я тут кисну от одиночества, Саша вовсю веселится. И не подумайте, она заслужила, просто я человек обычный, земной, и крыльев, как эта девушка за спиной не

ношу. Потому и бороться не стал с каким-то совсем неуместным собственническим чувством, мгновенно разлившимся по венам, едва она уселась в такси – привык я, что она рядом. Потому что кроме неё – никого.

– Прибьёшь?

– Дурак! – шепчет беззлобно, качнув головой и бросая на полку незнакомый автомобильный брелок, и на мгновение замирает перед зеркалом. – А я шашлык не привезла. И торта нет, ни кусочка.

Словно это важно вообще!

– Торт ты мне не обещала.

– Но привезти хотела, – она улыбается виновато, будто прокуренная мной квартира просто цветочки на фоне забытого на даче мяса и, не выдержав моего взгляда, прячется за водопадом волос, низко склоняя голову.

Зря я её ухажёра домой не пустил. Теперь хрен пойми, как извиняться. Тем более что хозяйка проходится ладошкой по морде назойливой стаффихи, шепчет ей что-то безумно приятное, и украдкой мазнув безразличным взором по моему хмурому лицу, семенит к спальне, не оборачиваясь желая спокойного сна.

А какой теперь сон к чертям? Когда и соседи сверху вновь врубили телеканал «РОССИЯ», и Герда поскуливает, растянувшись у моего дивана, а Саша закрывается в ванной и неприлично долго не выключает воду.

Приревновал, значит. Этот её в пуховике и модных джин-

сах. Мне ни слова не сказал на прощание, а на девчонке отыгрался… Иначе с чего бы реветь, а Саша именно этим и занимает. С часу до трёх пятнадцати то и дело высмаркивается, заставляя собаку насторожённо прислушиваться к тишине. И меня заодно, ведь чем чаще раздаются эти пусть и еле различимые всхлипы, тем тяжелее лежать, заведомо зная, кто во всём виноват.

– Да на хрен всё! – сбрасываю одеяло, на ходу пытаясь попасть ногами в штанины и прямо так – лохматый и без футболки – торможу перед плотно закрытой дверью. Стучаться теперь? Неудобно как-то и опыта никакого… А если и есть, если в прошлой жизни я без труда успокаивал расстроенных дев, то сейчас вряд ли вспомню, какие глупости им говорил. А если и вспомню, то забуду к чертям в самый ответственный момент.

Ладно, обратного пути нет. Истерика, пусть и бабская, ерунда по сравнению с тем, откуда вытащила меня волонтёрша.

– Саш? – толкаю дверь, с удивлением отмечая, что она лихо мне поддаётся, и, наплевав на приличия, произношу уже громче. – Можно?

Темно хоть глаз выколи, но я даже в этой кромешной темени вижу, как с головой укрытая одеялом, девушка испуганно вздрагивает. Не двигается больше, словно парализована шоком от моего вторжения, и внутрь приглашать не

спешит. Только разве молчание меня остановит? Я как этот сквозняк, гуляющий по прихожей, смело переступаю порог, и, то и дело натыкаясь на незнакомые мне предметы, на ощупь подбираюсь к её кровати.

Хорошая кровать, матрас мягкий, сверху на пуховое одеяло наброшен плюшевый плед и… четыре кошки, одну из которых я только что едва не раздавил, пытаясь усесться на краешек чужой постели.

– Твою мать! – животное прогоняю, даже бровью не поведя на послышавшееся в ответ злое шипение, и, тяжело вздохнув, принимаюсь за дело. – Не спишь же, я знаю.

Иначе не было бы меня здесь. Сашина спальня – запретная территория, а я слишком гуманный захватчик, чтобы посягать ещё и на неё. Днём нет-нет, да замираю у двери, а коснуться золочёной ручки никак не решусь. Стыдно всё же, и так гостиную оккупировал, на кухне бываю часто, на ванную замок никто не вешает… Пусть хоть что-то принадлежит лишь ей?

– Саш, – нащупываю рукой напряжённую спину, спрятанную под ворохом покрывал, и как-то неловко поглаживаю. Что, чёрт возьми, говорить? – Успокаивайся давай. Не реви.

Надоело уже: всхлипы её, сочувствующая Герда со своими поскуливаниями и засевшая в голове мысль, что это я приложил руку к её проблемам. А как следствие – взыгравшая совесть, острыми зубами разрывающая грудь.

– Я и так бессонницей мучаюсь, ещё ты… Саш, всё хоро-

шо будет, – глажу, словно она замёрзла, а я мастер по растиранию спиртом, и сам диву даюсь, до чего глупый.

И говорю ни то, и делаю всё неправильно. Опыта, похоже, нет. Не то что у этой разбитой девчонки, лишь шмыгнувшей носом на мои безуспешные попытки её успокоить. Она возится, то ли пытаясь избавиться от моей тяжёлой ладони, то ли стараясь заглушить подушкой свои рыдания, а я медленно закипаю, в миллионный раз за минувшие дни ощущая свою беспомощность. От неё завишу, от нерасторопных работников четырёх кинологических клубов, от нескольких постов в социальных сетях, так и не принёсших плодов. И даже такую малость, как прекратить поток чужих слёз, сделать не в состоянии. Бесполезен, и гожусь, похоже, лишь на то, чтобы усложнять чужую жизнь.

Стоит подумать об этом, и рука сама тянется к прикроватной тумбе, так быстро нащупывая выключатель настольной лампы, что и не поверишь уже, что в этой комнате я впервые. Несколько раз моргаю, привыкая пусть и к тусклому, но всё равно слепящему свету, и, вконец обнаглев, доверяюсь интуиции: сгребаю Сашу вместе с её одеялами в охапку и, усадив к себе на колени, крепко держу, чтоб не дёргалась.

Так лучше, наверное… Кем бы она ни была (волонтёром, директором захудалого кафе, чьей-то младшей сестрой) в первую очередь она девушка, и если уж решила прореветь до утра, то пусть хотя бы не в одиночестве. Кошки не в счёт.

– Ты чего? – и плевать, что своим порывом я её напу-

гал. Страх он иногда даже полезен: она выглядывает из своей пухово-плюшевой брони и, позабыв о терзающих её душу невзгодах, ошарашено таращится в моё уставшее заросшее щетиной лицо.

– Ничего. Спать хочу, а ты мне своей истерикой спать мешаешь. Умер кто?

– Нет, – качает головой, ныряя подбородком в одеяло, и опускает взгляд на мою голую разрисованную грудь. Засмущалась, похоже, щёки теперь как маки горят.

– Ну и всё тогда, успокаивайся. Тут и без тебя хулиганов хватает, на твоего соседа сверху пора уже жалобы писать.

– Опять телевизор на полную врубил?

Киваю, а Саша, неловко поёрзав в моих лапищах, вызволяет из пут ладошку, торопливо стирая поблескивающие на ресницах горошины. И что за трагедия у неё? Если и поругалась со своим ухажёром, то совершенно зря треплет себе нервы – не бросают таких. Умные не бросают, а если он из-за меня добровольно поставил точку, даже не разобравшись, вердикт один – идиот.

– Рассказывай давай. Я виноват?

– В чём? – удивлённо выдыхает, округляя глаза, а я, набрав в грудь побольше воздуха, принимаюсь каяться:

– К тебе, похоже, жених приходил, – ведь наверняка жених или хотя бы кандидат на эту роль, иначе чего бы так убиваться? – Навыдумывал, наверное, разного… Приревновал и вы поругались, да? Так я не хотел, Саш. Хочешь, поговорю

с ним? Расскажу, как ты мне жизнь спасла.

Сосредоточенно вглядываясь в медовые омуты, заботливо завожу её растрепавшиеся локоны за ухо, и, не дождавшись ответа, киваю:

– Решено. Завтра приволоку его к тебе. Адрес дашь?

И карту города не мешало бы, ведь ни одной улицы я так и не вспомнил. Я улыбаюсь виновато и впрямь настроенный вытрясти душу из её обидчика, а Саша вновь принимается кусать губы. Видать, чтоб перестали дрожать…

– Не надо, – и лишь одно слово шепчет, опять ныряя подбородком в одеяло. И что я не так сказал?

– Почему нет?

– Потому что он не вернётся уже, – смаргивает проступившие на глаза слёзы и тут же стирает солёные дорожки краешком пледа, – и я не хочу его возвращать. И вовсе не в тебе дело: я изначально ему была не нужна. Так, девушка для развлечений.

Вот так новости. Она низко склоняет голову, утыкаясь распухшим носом в ямку на моей шее, а я, не придумав ничего лучшего, принимаюсь перебирать липкие от лака кудри. Не нужна… Такое, разве что в параллельной Вселенной возможно. Где-то там, где увидеть ангела дело привычное. Вдыхаю слабый аромат яблочного шампуня, смешавшийся с резким сладковатым запахом химии, и, в очередной раз утонув пятернёй в её густых волосах, выдыхаю:

– Значит, и плакать не нужно. Не стоит он этого, Саш. Сколько тебе?

– Двадцать пять в феврале…

– Ну вот, вся жизнь впереди.

– С собаками, – усмехается горько, а я вполне искренне растягиваю губы в улыбке:

– С собаками. Мне начинает казаться, что они единственные, кто способен на преданность.

Молчим. Саша, чьё дыхание постепенно выравнивается, неосознанно обводит пальцем чёрный узор на моей ключице, я, всё так же крепко прижимая её к себе, о собственной жизни раздумаю. О том, что не ищет никто, а я до сих пор не знаю, должен ли, вообще, кто-то искать…

– Ванька его побил, – не знаю, зачем признаётся, окончательно расслабившись в моих руках, и, отстранившись, спрашивает доверчивым шёпотом:

– Они с университета дружили. Как думаешь, он меня простит?

– Ванька? – я брови хмурю, а она, задохнувшись от волнения, кивает, нервно покусывая щеку. – Простит. Да и прощать-то не за что.

У мужиков всё просто – не друг, значит, вовсе.

– А если возненавидит? Я же праздник испортила, всех подвела. Господи, может прав Миша, и я и вправду испорченная?

– Идиот твой Миша, – гляжу серьёзно, от злости сминая в

пальцах плюшевый плед, и стоит ей отвести взор, аккуратно этими же пальцами, касаюсь её подбородка, вынуждая вновь устремиться ко мне глазами. – Не знаю, кем я был Саш, но знаю, что живой лишь потому, что ты этого захотела. И даже ни черта не помня уверен, что встреча с тобой, лучшее, из того, что со мной случалось.

Не бросила же, не огрела лопатой, тут же сдав в обезьянник. Разве испорченный человек на такое способен? Нет, потому и поглаживаю нежную кожу шершавой подушечкой большого пальца. Не должен, а оно как-то само выходит… По линии подбородка, скользя ладонью по тонкой шее, чтобы опять добраться до растрёпанных пушистых волос.

– Глупости… – и если б ни этот смущённый шёпот, сорвавшийся с приоткрывшихся губ, вряд ли понял бы, что делаю что-то неправильное. Запретное, ведь девушка плотнее запахивает на груди одеяло и, удивлённо моргнув, медленно опускает взгляд вниз – туда, где моя ладонь касается её лица, а подушечка большого пальца случайно задевает нижнюю губу.

Она красивая. Я и раньше замечал, но сейчас это мысль подобна грому: звучит в голове иначе, оглушая своей очевидностью и рождая какое-то незнакомое тепло в том месте, где тёплая хрупкая рука прижимается к моей груди. Женская рука, и это чёрт возьми откровение. Запоздалое открытие, на совершение которого мне понадобились долгие восемь дней.

Наши совместные завтраки, беготня по ветклиникам, уто-

мительный осмотр хмурой врачихой в одном из частных медицинских центров, разговоры ни о чём перед телевизором – всё это словно в тумане, густом, непроглядном, не позволяющем мне внимательно разглядеть волонтёра… Эту крохотную родинку на окрасившейся румянцем скуле, губы, наверняка мягкие и податливые, стоит только позволить себе их коснуться, эти глаза – настоящая бездна, в которой так легко утонуть, если прямо сейчас не отвернусь… И дыхание у неё мятное, тёплое, вырывается из груди, приводя в движение свалившуюся на лоб прядь, и заставляет вздрогнуть от устремившихся по моим рукам мурашек. Или от ощущения её пальцев на запястье меня знобит? От того, как крепко она его перехватывает, наверняка, чтобы оттолкнуть.

Ведь должна оттолкнуть, но почему-то не торопится, наверняка не меньше меня пришибленная моими словами. Словами, которые должны были прозвучать, как дружеская поддержка, но почему-то слетев с языка, приобрели какой-то тайный непонятный даже мне смысл.

Всё дело в бессоннице. В её личной драме, в которую я зачем-то вмешался, вместо того, чтобы и дальше сверлить глазами натяжной поток. Я же в этом виртуоз – шесть небольших ламп, неброская люстра по центру, рыжее пятно в углу у окна, которое способен заметить лишь тот, кому больше и заняться-то нечем, кроме как искать изъяны в этой кирпичной коробке. Чёрт, я должен искать изъяны в свежем ремонте, а вместо этого, впервые так внимательно изучаю черты её

заплаканного, слегка распухшего лица, что и самому не по себе от той жадности, с которой я впитываю каждую мелочь.

Как заворожённый таращусь на неё, ловя себя на том, что готов прямо сейчас всё испортить, и прежде, чем внесу хаос в и без того запутанную жизнь, сглатываю невесть откуда возникший в горле комок:

– Спать пора, – хриплю, напрягаясь, от ощущения скользнувших по руке пальцев, и подхватив все те же одеяла с теперь совершенно незнакомой мне Сашей, глубоко вдыхаю, уложив её на постель.

– Пора, – и она хрипит, плотнее кутаясь в плед.

Не моргает, глядя на то, как я поднимаюсь, разминаю шею, подхватываю с пола ту самую едва не раздавленную мной кошку, и кладу на кровать, и словно проснувшись, сама резко тянется к ночнику.

Теперь темно, но всё равно странно.

– Спокойной ночи, Саш, – бросаю уже в дверях и плотно прикрываю дверь.

Запретная территория, а я, как и прежде, гуманный захватчик, как-то внезапно осознавший, что внутри него живёт варвар.

ГЛАВА 16

Часть 2.

Незнакомец в моих мыслях

Глава 16

Саша

Не приехал Ванька. Ни наутро, когда я с трудом отскребла себя от кровати, на ватных ногах устремившись к окну, под которым на месте моей старенькой лады серебрился в лучах утреннего солнца надёжный железный конь брата, ни вечером, когда, вернувшись с работы, я быстро скрылась за дверями спальни, отчего-то стесняясь глядеть в глаза своему незнакомцу.

Может и к лучшему? Мне хватило истеричного маминого крика в трубку, в котором так явно читалась осуждение – брат не сдал, я молчала, а эта умная проницательная дама, наградившая меня светло-карими глазами, кажется, и без слов поняла, в чём кроется истинная причина фееричного кулачного боя, развернувшегося на её кухне. Её дочь пала. Низко. И пусть масштабы моего падения ей неизвестны, не испытывать стыда, слыша упрёки в свой адрес, для меня невыполнимая задача.

– Не звонил? – Таня вонзает лопату в грязный рыхлый снег и, обхватив черенок обеими руками, прикладывается румяной щекой к шерстяной рукавичке.

– Кто? Если ты о Ваньке, то нет… Мне начинает казаться, что он меня избегает. Сегодня прислал сообщение, что уехал из города.

Даже машину бросил. Ушёл в подполье, умело, открестившись от тяжёлого разговора легендой о срочной командировке.

– Глупости. По-моему, это вполне ожидаемо, он же вечно куда-то мотается. Сань, – я пожимаю плечами, не зная, что возразить, ведь в этом она права, а подруга, глянув поверх моей головы, переходит на шёпот, – но я, вообще-то, о Мише спрашивала.

– Нет, – сдавленно, горько, с шумно покинувшим лёгкие воздухом.

– Ну и славненько, – с подбадривающей улыбкой, от которой чувствую себя ещё хуже.

Это же ожидаемо, да? Миша и раньше не баловал меня своим внимаем, а уж после Ванькиных стараний и вовсе не обязан… но всё равно гадко. Ведь головой понимаю, что этим и должно было кончиться, а душа всё равно не на месте. Не знаю, чего ждёт: его извинений за оскорбительные намёки; его причитаний, что я сама во всём виновата; его ненависти, ведь чтобы мне не говорили, Васнецов по-своему этой дружбой дорожил. Но ждёт преданно, заставляя с грустью вздыхать, едва вечерние сумерки и холодная постель отдают меня на растерзание назойливым воспоминаниям.

Всё же шесть лет приличный отрезок жизни, так просто

не вычеркнешь. Не придумали ещё ластика, способного навести порядок в людских головах – подтереть ненужное, а после вписать что-то достойное бережного хранения в потаённом уголке памяти. Разве что лом, или чем там приложили моего Незнакомца?

Вспоминаю о нём, и машинально оборачиваюсь, мгновенно краснея от созерцания широких плеч, обтянутых тесной телогрейкой. Дыхание задерживаю, наблюдая за тем, как топор подчиняется мужским рукам, разламывая полено надвое строго посередине, и опасаясь, что бдительная Пермякова заметит моё смятение, резко верчу головой обратно – сугроб, лопата, и мои разношенные сапоги со сбитыми носами. Лучше уж ими любоваться, чем позволять сердцу и дальше взволнованно скакать под рёбрами.

Ведь изменилось что-то… Когда прижалась щекой к его крепкой груди, когда не в силах сопротивляться любопытству, провела указательным пальцем по аккуратной линии замысловатого орнамента на его руке. А стоило ощутить на своей коже шершавую горячую ладонь и вовсе всё стало каким-то сложным.

Он меня поцеловать хотел… Может быть, это лишь плод моей фантазии и не было вовсе тех нескольких секунд, когда наши взгляды сплелись воедино, но от ранившей меня мысли, что рискни он накрыть мои губы своими, я вряд ли стану сопротивляться, не по себе теперь. Потому что чистая правда это – тогда, обиженная на весь мир, разбитая осознани-

ем своей ненужности, сопротивляться его пусть и братским объятиям не хотелось. Наоборот, прижималась так, словно это нормально – реветь, устроившись на его коленях, и не придавать значения растекающемуся по телу теплу. Даже когда в голове набатом звучал озлобленный голос Васнецова, близость Незнакомца не казалась мне неправильной… А стоило ему подскочить с кровати, метнуться к двери, спешно попрощавшись уже у порога, как правда с головой накрыла – мы чуть не переступили грань, перейдя которую и дальше спасать этого побитого жизнью мужчину будет не так-то просто. Потому и сторонюсь теперь.

– Так лучше, подруга. Перегорит рано или поздно. Нужно просто запастись терпением, – со знанием дела поучает меня Пермякова, кажется, решившая вновь взяться за дело, но прежде, чем зачерпнуть новую порцию снега, вновь втыкает лопату в промёрзшую землю. – А меня Женька с родителями познакомить хочет. В новогоднюю ночь.

Выдыхает взволнованно, разглядывая узор на собственных варежках так внимательно, словно надела их сегодня впервые, и кусает щёку, ожидая моего ответа… Только какого?

– Это же хорошо, Тань.

– А по-моему слишком рано. У нас было лишь четыре свидания…

– Зато знакомы давно и уже третью неделю висите на телефоне. И нашим псам он помогает, – принимает вне очереди,

Пермяковой достаточно лишь сказать, что у нас новичок. – И, вообще, он человек серьёзный. Если бы не видел никаких перспектив, ни за что бы не решился на такой шаг.

Они же есть, эти перспективы? Не из тех Таня, кто станет шататься по кафе с кем попало, пытаясь с помощью ухажёров залечить свои раны. Лучше уж в одиночестве, в тишине собственной квартиры переболеет, чем примет пустышку вместо хорошего проверенного антибиотика. Чем этот Женя не таблетка? Грубо, конечно, но иногда и на таблетки подсаживаются, как на наркотик. Неделя, месяц, два и, возможно, он станет ей настолько необходим, что она до конца жизни не бросит эту терапию.

– Страшно, Саш. Серьёзные шаги делать страшно. После… – девушка закусывает губу, вскидывает голову, устремляя взор к небу, а я понимающе киваю:

– Страшно. Но пора бы уже дальше идти… Три года прошло. И непохож твой Женька на предателя.

Образованный, чуткий, воспитанный. И пусть плечи у него не широкие, в глазах не мёд, а поблёкшая зелень, и ниже он, чем Ванька, на добрых две головы, но тут даже я не могу не признать, Таня с ним расцвела. Не так, как тем летом, когда впервые поймала на себе заинтересованный взгляд моего брата, но ледяной панцирь, сковавший её разбитое сердце, определённо дал трещину. Пошёл паутинкой и медленно осыпается холодной крошкой, позволяя ей вновь почувствовать себя живой.

– Думаешь? – она глядит на меня с надеждой своими голубыми искрящимися глазами и, смущённо приподняв уголки губ, ведёт плечом. – Время покажет, Саш. Может и права ты, струшу, потом всю жизнь буду жалеть.

– Вот-вот, – зубами стягиваю с руки перчатку и, достав из кармана мобильный, вонзаю свою лопату рядом с Танькиной. – Только на чай прервёмся, а то сляжешь с ангиной и не видать тебе смотрин как своих ушей.

– С пряниками?

– А хоть и с пряниками.

– Тогда я в магазин. Заодно и Марту найду, а то час, как слиняла. Эй, Безымянный! – машет рукой, перекрикивая глухой стук усердно работающего топора, и уже вовсю зазывает к нам Незнакомца. – Перерыв! Вы с Санькой чайник грейте, а я за сладким.

Танька бежит, выстукивая маленькими (три сантиметра, не больше) устойчивыми каблучками, наш помощник топор откладывает, а я теряюсь, теперь не на шутку испугавшись необратимого – мы останемся наедине.

Незнакомец

На Саше старая дутая куртка с оторванным карманном, ядовито-оранжевый шарф, в пять кругов обмотавший шею, объёмная, не менее яркая шапка, постоянно съезжающая на брови, и серые дутые штаны, небрежно зашитые чёрными нитками на правой коленке… А с той ночи, когда я так бездумно сгрёб её в утешительные объятия, отделаться от мыс-

ли, что она безумно красива, даже при всей нелепости её сегодняшнего наряда мне не удаётся. Как и прогнать прочь догадку, что той секундной заминки, когда я касался её щёки, погружаясь на дно усыпанной золотой пылью бездны, хватило, чтобы в девушке проснулась запоздалая настороженность.

Ведь и швабра вновь пропала из туалета, где несколько дней стерегла угол, и хозяйка весь вечер меня сторонилась. Даже сейчас, когда её деятельная подруга, с самого утра гонявшая меня по крохотному участку, прилегающему к бараку, скрылась за забором, Саша торопливо отворачивается, подбирает с земли случайно выпавшую из кармана рукавицу, и явно с сожалением проводив взором устремившуюся к магазину спину, вздыхает:

– Идём.

Со смущённой улыбкой. Раньше бы непременно задорно хихикнула или разбавила эту тишину своей болтовнёй, а теперь вышагивает как солдат, по доброте душевной, решивший накормить своего пленного. К старому дому, через пропахшую псиной и сыростью крытую веранду, через тесную прихожую, миновав которую попадаешь в просторную комнату, в которой из мебели лишь древний диван и кресло, изодранное собачьими клыками.

– Жутко, конечно, и воняет… Зато тепло и посуда есть, – она возится с крохотной двухконфорочной плитой, ставя на разогретую спираль небольшую кастрюльку, и наконец ски-

нув с себя тяжёлую куртку, плюхается на стул. – Устал? Таня, как Гитлер, с ней не забалуешь.

– Да мне нетрудно. Хоть какая-то деятельность, – следую её примеру, вешая на ржавый гвоздь одолженную мне телогрейку, и обдав горячим дыханием раскрасневшиеся от мороза ладони, подхожу к печи, расслабляясь от идущего от неё жара. И зажившую кожу рук приятно пощипывает, и нос постепенно отогревается, и щёки начинают гореть, а в груди всё равно стужа. Потому и не рискую оттягивать, не имея никакого представления, как долго нам удастся побыть наедине:

– Ты меня избегаешь, Саш.

В моём голосе ни намёка на вопрос, зато во взгляде девушки, замершей от неожиданности, их целая уйма. Шмыгаю носом, закатываю рукава свитера до локтя, и привалившись спиной к ободранной стене, поясняю:

–Мы никогда правил не обговаривали, но, наверное, я зря в твою спальню зашёл. Скажи честно, боишься?

– Чего?

– Меня.

Неспроста же наутро выплыла в прихожую в мешковатом свитере, тупила взор и, наплевав на завтрак, спозаранку умчалась в кафе? Чтобы вечером, также быстро, спрятаться от меня в своей комнате, дверь которой наверняка теперь подпирает. Да чёрт! Если б не настоял взять меня с собой, она бы и сегодня вернулась не раньше десяти.

Я жду, сосредоточенно рассматривая её вспыхнувшее от

волнения лицо, а она затравленно бегает глазами по помещению. Куда угодно смотрит, лишь бы не на меня.

– Глупости. Просто до сих пор в себя не пришла: Ванька пропал, родители негодуют, приют этот… Ещё и Новый год на носу, – произносит, наконец позволяя нашим взглядам столкнуться и задумчиво склонив голову набок, медленно проходится глазами по мне: от макушки, до единственной гордости в моём гардеробе – итальянских ботинок. – Ты вовсе не страшный, мистер Икс. Девчонки в кафе говорят, что даже красивый.

Девчонки… Хмыкаю, расслабляясь оттого, что пухлые, слегка посиневшие от длительного пребывания на морозе губы, растягиваются в улыбке, а она отчего-то вспыхивает, тут же пряча смущение за поднесёнными к лицу ладонями:

– Только не задавайся, я ещё не решила, стоит ли с ними соглашаться, – Саша смеётся, а я на автомате тянусь к подбитому глазу, словно одного взмаха моей руки будет достаточно, чтобы стереть желтизну с заживающего века. – Хотя выглядишь ты уже лучше. Может, пора и снимок сделать?

Зачем? Открываю рот, намереваясь спросить, для чего она достаёт из кармана мобильный, да только девушка проворно вскакивает со своего места и уже хватает меня за руку:

– Тут встань, у окна. Господи, и волосы, что ли, поправь! – закатывает глаза на мою нерасторопность, и словно ей не впервой, приглаживает торчащие в разные стороны патлы. – Надо Таню попросить, чтобы она тебя подстригла. И с боро-

дой что-то сделать нужно... Ты на лешего похож.

Вот тут не поспоришь. Похоже, я и раньше предпочитал лёгкую небритость девственно-чистым щекам, а за эти дни, отравленные головной болью и амнезией, зарос так, что уже и с собакой гулять стыдно. Бомж я и есть, разве что не воняю…

– Готово.

– Улыбаться? – интересуюсь и без особого энтузиазма таращусь в объектив смартфона.

– Не стоит, – а она щёлкает, чтобы тут же удалить неудачный снимок. – Нет, не пойдёт так. Тебя даже родная мать не узнает. Дождёмся лучше Пермякову.

Ждать нам приходится недолго. Спустя пять минут двор заливается радостным лаем хвостатых жильцов и, запустив с улицы свежий, потрескивающий от мороза воздух, внутрь вваливается раскрасневшаяся девица, гордо размахивая килограммом шоколадных пряников:

– Свежие! – плюхается на стул, откидываясь на спинку и вытягивая вперёд длинные ноги, и, ослабив удавку вязанного шарфа, выдаёт с придыханием, – похоже, Марта слиняла.

Кто такая Марта спрашивать необязательно, ведь по тому, как шумно выдыхает Саша, уже разливающая по стаканам кипяток, нетрудно догадаться, что в приюте, по всей видимости, только что освободилась одна лежанка. Так что если и есть над чем поломать голову, так это над тем, какая именно: эта вот красная, мягкая, с высокими бортами, украшен-

ными по канту пожелтевшими от грязи косточками, или одна из тех розовых, что выстроились вдоль стены? Или, чем чёрт не шутит, этот диван, что наверняка пользуется особой популярностью у бездомышей, сейчас во всю гадящих на так усердно вычищаемом девушками дворе?

– Зараза! Не дай Бог, к бродячей стае сунется, придётся опять выхаживать! Эй, – моя спасительница кивает на чашку, выставляя на стол целлофановый пакет с сахарным песком, и, опускаясь рядом с подругой, вымученно резюмирует:

– Перекусим и пройдёмся по округе. Ты с нами?

А куда я денусь? Дёргаю чайный пакетик за тонкую ниточку, наблюдая за тем, как он медленно окрашивает воду, и лишь киваю, без аппетита угощаясь незамысловатым десертом. Сам ведь хотел развеяться, чем волонтёрская деятельность не прогулка?

ГЛАВА 17

Незнакомец

Ладно, пора признать, рубить дрова мне нравилось больше, чем слоняться по улицам, во всю глотку выкрикивая собачью кличку. Тесные джинсы, к которым не прилагались никакие подштанники, ведь иначе их просто не натянуть, совсем не спасают от холода, а разрекламированные мной итальянские ботинки, спустя час уже и обувью не назовёшь. Годятся лишь на то, чтобы усыпить бдительность прохожих – я, может, и нарезаю круги по району, пугая детей своим хриплым криком, и куртка мне, как ни крути, солидности не прибавляет, но хоть обут.

Полезное дело делаю, в котором до сих пор не вижу никакого смысла, ведь вышагивающая рядом девушка, явно не замечает приклеившихся к нам взглядом и доверительно щебечет:

– Третий раз убегает. Обычно мы её на цепь сажаем, чтоб не улизнула со двора, а в этот раз Таня не успела: только дверь открыла, как Марта прочь бросилась.

– С остальными псами не ладит? – спрашиваю, скорее чтобы поддержать разговор, и стараюсь не проглядеть подходящую под описания лайку: серо-рыжая, хорошо откормленная, с красным ошейником и жёлтой клипсой на ухе, оповещающей горожан, что добросердечные волонтёры озаботи-

лись её стерилизацией.

Верчу головой, не обходя вниманием и раскрасневшуюся на морозе напарницу, да лихо подхватываю её под локоток, когда её ноги, обутые в скользкие сапоги, недвусмысленно разъезжаются в стороны, не устояв на ледяном тротуаре.

– Спасибо, – шапку поправляет, с благодарностью глянув на меня из-под белых ресниц, и аккуратно освобождается от моих пальцев. – Нет, она свободолюбивая просто. А на Танином участке сильно не разгуляешься, вот и бегает. В последний раз вся потрёпанная вернулась – видать, к стае прибиться хотела, а те погнали. Стой, – хватает меня за предплечье, присматриваясь к мусорным бакам, но через мгновение, сама возобновляет прогулку. – Показалось.

Отлично. Стыдно, конечно, я ж вроде мужик, и вызвался опять же добровольно, но в минус тридцать несколько часов разыскивать беглянку для меня перебор. Пальцев на ногах не чувствую, зубы уже отстукивать начинают…

– Так, может, и сейчас вернётся? – и голос надеждой сквозит.

– Замёрз? – а Сашин пониманием.

Она тормозит, улыбается виновато, и, протянув руку к моей голове, натягивает спортивную шапку пониже. До самых бровей.

– Всё потому, что вы мужики, вечно модничаете. Уши открыты, ворот вон, – дёргает бегунок наверх, – нараспашку. Кто ж так ходит?

Я.

Стараюсь не улыбаться, пока волонтёр заботливо поправляет шарф на моей шее, и не замечаю больше, насколько беспощадная выдалась в этом году зима.

– Так лучше? Ещё минут десять продержишься?

Да хоть час, ведь от созерцания её открытой улыбки, тело обдаёт волной жара.

И неважно даже, что это неправильно – пожирать глазами доверчивую самаритянку, своим неряшливым видом сегодня перещеголявшую даже меня: карман её куртки до сих пор оторван, штаны всё те же – небрежно заштопанные. Только разве это портит её? Ни капельки, потому и глазею, а кто осудит?

Иду с ней нога в ногу, зову эту чёртову Марту, не оценившую по достоинству Сашину заботу, а стоит заприметить бесцельно слоняющуюся у гаражей лайку, наблюдаю, как умело она хватает её за ошейник и цепляет на поводок. А в голове одна мысль – почему раньше не видел? Таких очевидных вещей не замечал: что хорошо с ней рядом, уютно, легко, будто всю жизнь знакомы? Пусть почти ничего друг о друге не знаем, а значит наверстать пора.

– Нравится тебе это? – интересуюсь, когда мы оставляем позади кирпичные дома и быстро вышагиваем к баракам, половина из которых давно брошены, ведь пустые глазницы выбитых окон кричат о царящем в них запустении. Марту одёргиваю, молча негодуя на её невоспитанность, и внима-

тельно разглядываю девичий профиль.

– Да, – глаза сияют ярче июльского солнца, а уголки губ еле заметно дрогнув, ползут вверх. – С ними, конечно, непросто, но я вроде привыкла. Закалилась, можно сказать. Видел бы ты, через что мне пришлось пройти с моим первенцем, вряд ли захотел бы к нам присоединиться. Из него вот такие, – демонстрируя пальцами расстояние сантиметров в десять, – аскариды лезли. Я чуть не поседела, пока привела его в порядок. А потом как-то само пошло: Таня взяла меня с собой на очередную вылазку, объяснила, что к чему и вуаля – я хоть в чём-то пригодилась. Жаль, что Пермякова в общественном питании ничего не смыслит.

И я, наверное. Чёрт, и как навёрстывать собрался? Одному богу известно, чем занимался в той жизни, когда мои извилины исправно трудились, но удержаться от озвучивания своих наблюдений уже не могу: приоткрываю калитку, пропуская её вперёд, и, почесав лоб, всё-таки произношу:

– Твоё кафе обречено, Саш. Ты уж прости, но пока ты сама не изменишь своё отношение к делу, тебе уже никто не поможет.

Ясно же как божий день! А девушка всё равно ошарашена: оборачивается, так и не ступив на участок, упирает кулачки в бока, и, зло зыркнув на меня своими медовыми глазищами, возмущённо цокает:

– С чего это?

Хорошо, что лопаты в руках нет. Ведь прав был: тогда, в

пустом гаражном кооперативе пощадила, а сейчас с удовольствием свернула б мне шею. И плевать, что ей по статусу не положено – волонтёр же…

– Чего молчишь? – вон как подбоченилась, только стоящая между нами Марта и спасает. – Говори, раз уж начал.

– Ладно. В тебе коллектив не видит начальника…

– Я доброжелательна, ясно! И мои сотрудники меня за это ценят!

– А должны уважать и бояться, – улыбаюсь, находя Сашу забавной в этом праведном гневе, и настойчиво подталкиваю к калитке, которую до сих пор держу открытой. Чего доброго, и другие постояльцы улизнут, а я до того замёрз, что пальцы на ногах скручивает от боли…

– Ерунда это! – только какое ей до меня дело? – Можно прекрасно работать в дружеской атмосфере!

– Ещё бы, не они же терпят убытки, – ухмыляюсь, едва ли не силой затащив её на участок, и, щёлкнув засовом, наконец, отпускаю надоедливую лайку. – Урежь им зарплату, и посмотрим, как долго они будут тебя ценить.

Съедят, предварительно обваляв в специях, к которым так неравнодушна посредственная повариха, неспособная приготовить даже оливье. И нарезка хромает, и на заправку не скупится.

– Так дела не делаются: либо вы подружки и весёлой компанией идёте вставать на биржу труда, либо оставляешь свою доброту за дверью и начинаешь управлять, Саш.

– Умный какой! А что я, по-твоему, до этого делала? В бирюльки играла?

– В уборщицу, – пожимаю плечами, беззлобно улыбнувшись, а совсем неготовая к моим нравоучениям Саша, возводит глаза к небесам, наверняка задаваясь вопросом, на кой чёрт пустила меня в свою гостиную. И не просто пустила, а ещё и прониклась моими проблемами, потратив уйму времени на поиски хоть каких-то концов, ведущих к моему прошлому. И вот моя благодарность?

– Только не злись, – и сам сверлю взором густое серое полотно, нависшее над нашими головами, да растираю заледеневшие ладони, зудящие от желания надавать себе по щекам за неуместную говорливость. Раз уж девушка не решилась… Только и знает, что шумно выдохнуть, потопать ногами, сбивая с подошвы снег, и потянуться к проржавевшей ручке, прикрученной к хилой двери, выкрашенной ещё в прошлом столетии в холодный синий цвет:

– Уже злюсь, – глядя в глаза, под скрип таких же ржавых петель.

– Нашёлся тут ресторанный критик! – под приветственный лай ринувшихся к дверям подопечных.

– Попрошу Пермякову, чтоб она тебя налысо обрила! – под мой смех, настолько беззаботный и искренний, что и самому дико – оказывается, я умею смеяться.

Саша

Злость? Нет, скорее страх, холодными лапами сдавивший

грудь, впившийся острыми когтями в сердце, сковал тело и до самого вечера не хотел отпускать. Ведь незнакомец прав… Как и отец, взявший за правило несколько раз в месяц бросать своё коронное «прогоришь». Словно без этих его предсказаний я не чувствую всё ближе и ближе подбирающийся ко мне феерический провал.

– Итак, – резко толкаю дверь в кухню, вынуждая соседа вздрогнуть от неожиданности, и на мгновение стопорюсь, удерживая в пальцах холодную дверную ручку.

Полдня прошло, а к его новому образу до сих пор не привыкла! Словно впервые вижу его такого домашнего, почти родного, ведь таких совместных вечеров у нас за спиной куда больше, чем с тем же Васнецовым… А с этим коротким ёжиком на голове, с аккуратно оформленной бородой – уж слишком он незнакомый незнакомец получился…

– Ты, значит, у нас ресторанный критик, – беру себя в руки и, шагнув к столу, выдвигаю единственный пустой стул, тут же пригвождая его к месту своей миниатюрной фигуркой. – Может, тогда и совет дельный дашь? А-то обрисованные тобой перспективы мне теперь покоя не дают.

Ведь не хочу на дно. Не хочу прогореть. Не хочу, чтобы это его «не спасти» обрело вполне чёткие формы – пустое помещение, выветрившийся из кухни аромат Сенькиной сдобы, и четыре клуши, прижавшиеся друг к другу на тесном диванчике в коридоре Центра занятости. И вовсе не потому, что боюсь статуса безработной, а потому что это

крохотное кафе, можно сказать, воплощённая детская мечта! Не такая радужная, слегка подкорректированная, ведь молоденькой студенткой кулинарного техникума я рассчитывала как минимум на собственный ресторан, но всё же… Это моя синица и отпускать я её не хочу!

– Саш, – а мужчина хмурится. И даже это он делает по-новому – лоб полосует глубокая складка, на ухоженных щеках проступают желваки, губы вытягиваются в прямую линию. – Я ж это так ляпнул… Откуда я могу знать, как вести дела?

Как это?!

– А может ты бизнесмен? – сегодня, благодаря Таниным стараниям он уж больно на него похож. А что футболка Ванькина весь вид портит, не беда. Главное ведь ум, пусть временами и отказывающийся выдавать необходимые ему ответы! Потому и подаюсь вперёд, с надеждой взирая в его чёрные омуты:

– Мы не можем исключать такой возможности. Иначе ты бы даже анализировать не стал, почему у меня клиентов по пальцам одной руки пересчитать можно.

– Анализировать, – он горько ухмыляется, отставляя чашку с дымящимся чаем, и, побегав глазами по стене за моей спиной, вновь переплетает наши взоры. – Когда сосед сверху смотрит свои мелодрамы, врубая ящик на полную, я действия главной героини тоже анализирую. Так что ж я теперь психолог?

– Возможно, – что вряд ли, ведь память о том, как неук-

люже он подбирал слова, пытаясь меня успокоить, ещё жива. – И потом, я лишь совет прошу… Это ещё не значит, что я ему последую.

Задумался. Потянулся к сахарнице, отсчитал полторы ложки песка, и теперь, неторопливо размешивая, улыбается одними глазами:

– А если разоришься?

– Да я уже банкрот! Месяц, максимум два и пойду устраиваться в столовую.

Куда меня вряд ли возьмут, ведь соискателей в наше время и без таких неудачниц, как я, хватает. А значит что? Теперь меня выручать нужно. И пусть это совсем мне не свойственно, но загнанная в угол я на крайний шаг иду:

– Ты мне должен. Я тебя дважды спасла, – произношу со всей серьёзностью, теряясь под блеснувшим странным огнём тёмным взором, и слегка покраснев от собственной наглости, решаю смягчить ситуацию виноватой улыбкой. Выходит глупо, по-детски, но обижаться, похоже, мой собеседник не собирается:

– Значит, долг с меня требуешь?

– Вроде того, – подпираю кулачком пунцовую щеку, а он руки на груди складывает. И смотрит так долго, внимательно… Аж мурашки по рукам ползут.

– Ладно, – и тут же бросаются врассыпную, когда его лицо оказывается непозволительно близко. – Только за нож не хватайся.

– С чего бы…

– Щадить не буду.

И то правда. Не пытается даже. Отпив остывший чай, морщится, с трудом проглотив неприятное пойло, и, глянув на меня исподлобья, приступает к инквизиции:

– Директор не моет вытяжку, не натирает барную стойку, не бегает за своими работницами, умоляя их вернуться на кухню. Иначе это не директор, а простая уборщица. Ты уборщица, Саш? – я пристыжено мотаю головой, жалея, что не озаботилась стаканом воды для себя, и тяжело сглатываю вставший в горле ком. А он кивает:

– Тогда возьми за правило: ты говоришь, они делают. Не делают, караешь рублём.

– Уволятся же?

– И к лучшему. С ними всё равно далеко не уедешь.

Возможно… Только пока он распинает Аленкины способности к готовке, уверяя, что её отбивные сгодятся лишь на корм собакам, я вспоминаю, как когда-то Сеньку на работу приняла. Живую, активную, талантливую… Она ворвалась, как вихрь, пихнула мне под нос корочку, зашелестела пакетом и словно одного диплома мало, выудила из него кусок свежеиспечённой шарлотки. Так и взяла её, сражённая лишь одним ароматом…

– Подожди, – спустя двадцать минут, прерываю разговорившегося незнакомца и удивлённо вскидываю брови, – что значит столы убрать?

Это что ж за кафе?

– Установи один вдоль окна, прикупи барные стулья. Люди смогут любовать улицей, а у тебя освободится место в зале, – произносит со знанием дела и, подхватив салфетку, рисует на ней корявую схему. Понятную, но корявую, только какое мне дело до его художественных способностей, если он так много болтает, что я с трудом поспеваю улавливать? Хмурюсь, тихонько злюсь, а когда он добирается до меню, и вовсе принимаюсь за ним конспектировать. Недолго, исписав лишь пару тройку полупрозрачных листов, чтобы под его рассуждения о необходимости сократить меню вдвое, застыть и уставиться в его преобразившееся лицо.

– Ты меня удивляешь, мистер Икс.

– Чем? – он улыбается, как мальчишка, впервые заслуживший похвалу от учительницы, и, устроив локти на столе, заглядывает в мои каракули.

– Этим, – а я в них пальцем тычу. – Для избитого бандита, вскрывающего гаражи, ты слишком умён.

– Разве? Странно, что тебе брат не подсказал. Он вроде ничего, головастый, – мужчина беспечно пожимает плечами, а я, задумчиво склонив голову набок, терзаю зубами кончик шариковой ручки.

– Мозговитый, но в мои дела не лезет.

– А этот твой? – зачем-то кивает на дверь, но прежде, чем до меня успевает дойти, кого он имеет ввиду, хмурится. –

Прости, не моё дело.

Действительно. Личное мы не обсуждаем – я молчунья, у него кроме Герды ничего личного нет. Только стоит ему это произнести, как механизм сам собой запускается – скулы окрашиваются румянцем стыда, раненое сердце тихонько подпрыгивает, глаза сами собой утыкаются в салфетку, а чёртова ручка решается дописать оборванное предложение.

– Думаешь, доставка единственный способ устоять? – надеясь, что хотя бы голос мой не дрожит, перевожу тему в мирное русло, а когда верно оценивший моё смятение мужчина с двойным энтузиазмом принимается расписывать перспективы, против воли Мишу вспоминаю. Мишу в спальне, Мишу на пороге моей квартиры, холодно уличившего меня в беспросветной глупости и бабской наивности, Миша на полу родительской кухни, с расквашенным Ванькой носом… Ведь не помогал. Знал всё, но ни разу не предложил помощи, воспринимая мою работу не иначе как баловство. Ну, кашеварит и ладно, ну, спасает собак… Главное, что в спальню пускает и не компостирует мозги, когда насытившись, он из этой спальни уходит.

Господи, а ведь не было у меня никого! Вот так, чтоб по-настоящему – когда два человека, единое целое, и каждый вдох они делят на двоих. У Васнецова Карина была, а у меня лишь глупые фантазии, в который и Миша ненастоящий, додуманный, отрихтованный до идеала, а потому эфемерный…

Если и был кто, так это… *Он*. Легко обжившийся в моей квартире, идеально вписавшийся в эту кухню, мгновенно наполнивший смыслом все мои завтраки, обеды и ужины. Словно всегда здесь сидел, на этом вот стуле, подносил к губам эту чашку и гладил Зефирку, которая даже сейчас лежит у его ног. Боже, я ведь и плакала до этого в одиночестве, не к Ване же бежать за утешением, орошая его рубашку горючими слезами, виновника которых он считает едва ли не братом.

– Спасибо, – опять прерываю незнакомца, только на этот раз касаюсь его ладони – крупной, мозолистой от многочисленных тренировок – а он удивлённо бегает глазами по моему лицу, не порываясь сбросить с себя мои пальцы.

– Не за что… Это лишь мои мысли. Я не гарантирую, что хоть что-то из этого сработает.

– А я всё равно благодарна, – шепчу, отчего-то вспыхивая под его взглядом и мне бы руку убрать, а она словно прилипла. Кожа к коже, всё так же неправильно, как и несколько дней назад. Только теперь эта неправильность не пугает, не заставляет меня встрепенуться, подпрыгнуть на стуле и убежать прочь, спасаясь от собственной глупости за плотно закрытой дверью спальни. Потому что спасаться поздно…

Наверное, ночь виновата. Она мирно сопит за окном, окутав наш город тёмным непроницаемым плащом с золотыми пуговицами –фонарями и толкает на глупости всех, кто решает сопротивляться её магии. Меня – неотрывно следящую

за изменившимся в лице соседом, его – зачем-то сплетающего наши пальцы и медленно подающегося вперёд.

ГЛАВА 18

Незнакомец

«Не вздумай её целовать!» – пожалуй, самая здравая мысль, то и дело влезающая в череду снующих по извилинам умозаключений. Единственная, которую я оставляю при себе, обещая неукоснительно ей следовать. И следую! Пускай тяжело, ведь она так часто заправляет за ухо непослушную прядь, обнажая тонкую шею, то и дело ёрзает на стуле, уставая от писанины, отчего свободный свитер норовит соскользнуть с плеча. Даже когда, задумавшись, она покусывает кончик шариковой ручки, вряд ли осознавая, что её пухлые приоткрытые губы притягивают мой взгляд, держусь стойко.

А стоит ощутить это невинное прикосновение, срываюсь с цепей… Они лязгают звонко, а Саша даже не вздрагивает. Ни тогда, когда я, и сам не веря, что тепло её руки мне не почудилось, ошалелым взглядом веду по хрупкой кистИ; ни в то мгновение, когда расстояние между нами становится уже неприличным. Близким. Отсчитывается не шагами от двери её спальни до моей гостиной, а несмелыми редкими вдохами, перекрикивающими даже ревущий телевизор соседа.

Остановиться! Я, чёрт возьми, просто обязан остановиться, а вместо этого, не давая себе возможности передумать, ворую невнятный звук, слетевший с девичьих губ. Не стон,

не всхлип, а вполне очевидное удивление, заставляющее Сашу застыть и переплести наши пальцы. Совсем ненадолго, но вполне достаточно, чтобы я успел выпустить на волю того варвара, что несколько дней тарабанил кулаками мне в грудь, стремясь очутиться на свободе – рядом с ней, в дурмане, заволакивающем мой разум, вынуждающем разорвать нашу связь и те самые пальцы, что она испуганно сжала, запустить в стянутые тугим хвостом локоны. Резинка летит на пол, волосы рассыпаются по Сашиным плечам, а я дурею от её вкуса и запаха малиновых духов вперемежку с яблочными нотками шампуня. Миллион раз улавливал его в воздухе, а впервые вдохнув полной грудью, так жадно, что лёгкие вот-вот треснут, совсем потерял голову. Скользнув языком по нижней губе, сильнее давлю на её затылок, не оставляя шанса избежать моего вторжения, и сам едва не хриплю, когда в ответ она приоткрывает рот и позволяет углубить поцелуй. Странный поцелуй, больше похожий на попытку напиться до жуткого похмелья, чтобы наутро не вспомнить о совершенных в пьяном угаре ошибках.

Она сминает в пальцах и без того мятую ткань моей футболки, а я не желая довольствоваться лишь плотной вязкой её домашнего свитера, хватаю ножку её стула, с жутким скрипом пододвигая его к себе. Чтобы перестать тянуться через этот стол, усыпанный исчирканными салфетками, чтобы, разведя ноги, вплотную привлечь её к себе и скользнуть рукой под этот треклятый джемпер. Колючий, безраз-

мерный, бессмысленный, ведь каким бы бесформенным он ни был, меня всё равно к ней тянет. Тянет всего – мои руки, уверенно очертившие тонкий изгиб талии, устремившиеся вверх по позвоночнику; пальцы, задевшие окольцевавшую спину полоску бюстгальтера; губы, безжалостно терзающие податливые уста, наверняка раскрасневшиеся от обрушившегося на них нетерпения.

Нет больше мыслей. Даже глупая «не целовать!» забилась в угол и теперь молчит, неспособная перекричать шум несущейся по венам крови. А я не собираюсь прислушиваться, упиваясь тем гулом, что стоит в ушах и лишь нарастает, едва девушка оставляет в покое мою футболку и, осмелев, касается щёк. Неловко, вздрагивая от ощущения колючей щетины под своими ладошками, робко двинувшимися вверх: по скулам, к вискам, медленно перебегая на короткий ёжик волос на затылке.

Напугана? Вряд ли. Ведь стоит мне перехватить её талию, приподнять, утягивая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.